

Константин Рыжов

Блистательная Эллада

Сказки и сказания

12+

Константин Рыжов
Блистательная Эллада

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рыжов К. В.

Блистательная Эллада / К. В. Рыжов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Полный пересказ греческих мифов - от сотворения мира до нашествия дорийцев. Живой и драматический рассказ о жизни и приключениях всех великих греческих героев, об их странствиях и военных походах. Книга будет интересна как детям, так и взрослым.

© Рыжов К. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Константин Рыжов

Блистательная Эллада

Глава I. Боги и герои

Греческие мифы

Если ранняя история Древней Греции нам совершенно неизвестна и восстанавливается только в общих чертах по материалам археологических раскопок, то начиная с XVI в. до Р.Х. в нашем распоряжении появляется еще один любопытный источник – греческие мифы. Эти увлекательные сказания о богах и героях вошли в сокровищницу мировой культуры и знакомы теперь каждому образованному человеку. Кто не слышал о подвигах Геракла, о плавании аргонавтов за золотым руном, о победе Тесея над Минотавром или о десятилетней осаде Трои? В мифах много чудесного и необычного. На первый взгляд это не более чем красивые сказки. Но глубокое изучение мифологии показало, что все обстоит намного сложнее. Мифы отражают определенную ступень миропонимания древнего человека. В те времена, когда не существовало ни литературы, ни письменности, ни искусства, ни науки, ни философии, ни теологии, весь духовный опыт человечества концентрировался именно в мифах. Мифы рассказывали о возникновении мира, о происхождении богов, о появлении человека и отдельных народов, они, наконец, содержали в себе воспоминания о событиях глубочайшей древности. Последний момент особенно важен для нас, и вот почему. Самые ранние труды греческих историков, дошедшие до нашего времени, относятся к V в. до Р.Х., другие написаны еще позже. Опираясь на них, мы можем восстановить общий ход событий, начиная приблизительно с IX в. до Р.Х. Все, что случилось до этого, теряется во тьме веков. Только мифы содержат в себе воспоминания о том, что происходило в XII – XIII, XIV и даже XV – XVI вв. до Р.Х. Конечно, относиться к их свидетельствам следует с большой осторожностью. Миф это не история, а в лучшем случае лишь ее отголоски. Известно, что в народной памяти задерживаются только яркие, неординарные события. Рассказы о них передаются от поколения к поколению и постепенно обрастают новыми, часто сказочными деталями. Можно ли спустя столетия отличить правду от вымысла? Долгое время ученые не принимали всерьез сообщений мифов и не склонны были считать героев и героинь греческих легенд историческими личностями. Однако успехи археологии в XX веке заставили их изменить свое мнение. К настоящему моменту раскопаны некоторые города и дворцы, упоминания о которых содержатся в древних поэмах, извлечены из земли многочисленные вещи, созданные в мифические времена. Историки сумели расшифровать древнегреческую письменность (так называемое, слоговое письмо Б) и прочесть значительное количество документов, датируемые XIV и XIII вв. до Р.Х. Мир, открывшийся перед ними, во многом отличается от того, что рисуют нам мифы. Но вместе с тем поражает огромное количество точных деталей, донесенных ими до наших дней. Оказалось, что при устной передаче преданий от одного поколения к другому, в них задерживается множество верных и правдивых подробностей, – надо только научиться отделять рациональное зерно от поэтического вымысла. Поэтому знание мифов совершенно необходимо для всякого, кто хочет подробнее познакомиться с жизнью древних греков.

Боги Эллады

1. Возникновение мира

Из мифов мы узнаем, что прежде не было моря, земли и распростертого над ними неба. Не было и самих богов. Существовала лишь некая неразделенная грубая громада, именуемая Хаосом. Когда пришло время возникнуть миру, то прежде всего из Хаоса появилась мать-земля – широкогрудая Гея. Окутанная мраком, она томилась в одиночестве и однажды во сне породила сына-Урана – светлое голубое небо. С нежностью взглянул он с высоты на спящую

мать, и пролил на нее оплодотворяющий дождь. Под его струями земля преобразилась: она породила травы, цветы, деревья, зверей и птиц. Так появилась жизнь.

2. Дети Урана и Геи – старшее поколение богов

Уран воцарился в мире и взял себе в жены благодатную Гею. У них было шесть сыновей и шесть дочерей – могучих и неукротимых титанов. Раньше других появились на свет беспредельный, обтекающий всю землю Океан и его жена – титанида Фетида. (От них произошли струящиеся реки и морские нимфы-океаниды). Потом родились Гипперион и Тейя. (Их детьми стали земные светила: Солнце – Гелиос и Луна – Селена). За ними последовали Кей и Феба, Крий и Эврибия, Иапет и Климена (дочерью Кея и Фебы была прекрасная Латона, а сыном Иапета и Климены – мудрый и великодушный Прометей). Наконец родились коварный Крон и его жена Рея.

Гея любила своих детей, хотя они и были ужасными на вид, но Уран с первого взгляда возненавидел их. Всех рожденных Геей детей, одного за другим, он заключил в Тартар – ужасную бездну в глубине земли, погруженную в вечную тьму. Страшно тяжела была для Геи несправедливость ее мужа. Однажды она тайком вызывала из темницы титанов и сказала им: "Дети мои! Если хотите быть мне послушны, то накажите вашего отца за его злодейство! Сделайте то, что я вам велю!" Но объятые страхом титаны молчали. И только хитроумный Крон ответил согласием. И вот однажды Гея тайком провела сына в спальню и дала ему в руки острый серп. Ночью, как только Уран заснул, Крон тихонько подкрался к отцу и оскопил его. После этого тяжело изувеченный и бессильный, Уран лишился власти, которая перешла к Крону и его братьям.

3. Дети Крона и Реи – младшее поколение богов

Крон стал править миром. Все живые существа, все боги, все братья и сестры признали его главенство. Однако Крон не мог до конца наслаждаться своим господством. Он знал – над ним тяготееет проклятье свергнутого им отца, который предрек, что его низложит кто-то из его детей. Что было делать Крону? Он решил не оставлять в этом мире никого из своего потомства. Едва у Реи появлялись сын или дочь, Крон хватал малютку и безжалостно проглатывал. Сначала в его бездонной утробе исчезли три дочери: Гестия, Деметра и Гера. Потом пришла очередь сыновей: Аида и Посейдона. Их участь должен был разделить самый младший из братьев – Зевс. Но могла ли допустить это несчастная Рея? Лишившись пятерых своих детей, она решила сохранить хотя бы последнего. В тот день, когда ей предстояло родить, она укрылась в глубокой пещере на острове Крит. Здесь втайне от всего мира и появился на свет Зевс. Рея оставила его на попечении двух нимф – Идеи и Адрастеи, а мужу подала завернутый в пеленки камень. Крон отправил его в желудок, не подозревая о подмене. Он продолжал править миром, в то время как его сын подрастал на Крите. Идея и Адрастея вскармливали его молоком божественной козы Амалфеи. Пчелы носили Зевсу мед со склонов высокой Дикты. Всякий раз, когда маленький Зевс плакал, охранявшие пещеру полубоги куреты ударяли в щиты мечами, старательно скрывая его местопребывание.

4. Борьба между титанами и олимпийцами

Прошло много лет. Зевс вырос и возмужал. Он узнал об участии своих братьев и сестер, и сердце его наполнилось гневом. Крон должен был понести наказание за свою жестокость! Но как добиться победы над могущественными титанами? По совету матери Зевс взял в жены океаниду Метиду – мудрейшею из всех богинь – и с ее помощью придумал хитроумный план. Мать Рея во всем помогала ему. Однажды под видом слуги-виночерпия она привела Зевса на пир титанов. По своему обычаю те шумно веселились и не обратили внимания на вновь пришедшего. А Зевс, улучив минуту, подмешал в медовый напиток Крона соль и горчицу. Так посоветовала ему сделать мудрая Метида. Едва Крон хлебнул из кубка, на него напала икота и он изрыгнул из своей утробы сначала камень, а потом и всех проглоченных детей.

Таким образом братья и сестры Зевса обрели свободу. Но в мире, которым правили титаны, для них не оставалось места. Только война могла решить, кто отныне встанет у кормила власти. Вся вселенная превратилась в огромное поле битвы! Дети Крона укрепились на вершине горы Олимп, а их противники – на Офрийской горе. Зевс метал в титанов молнии, а те забрасывали Олимп огромными камнями. Обе стороны сражались с величайшей отвагой, и долго оставалось неясным на чью сторону склоняется удача. Когда прошло десять лет, Зевс по совету своей бабки Геи освободил из заключения трех сторуких великанов, заточенных в недрах земли еще Ураном. Ужасные и громадные как горы вышли они на поверхность и ринулись в бой. Яростное сражение разгорелось с новой силой. От топота ног и свиста камней сотрясались горы. Крики сражающихся доносились до самых звезд. Подожженная перунами Зевса полыхала земля, в море кипела вода, а небо заволакивал дым.

Наконец молния поразила Крона. Вслед затем сторукие великаны обратили в бегство его братьев и племянников. Все они, кроме Океана и Прометея, принявших в самом начале войны сторону олимпийцев, были низвергнуты в бездну Тартара. Власть титанов над миром миновала.

5. Зевс, его братья и сестры

После победы сына Крона разделили между собой вселенную: громовержец Зевс взял себе небо и землю, колебатель земли Посейдон – море с его глубинами, а мрачный Аид – подземное царство.

Зевс воздвиг свой дворец на вершине высокого, окутанного облаками Олимпа. Греки верили, что там никогда не бывает ни дождя, ни снега и царит вечное радостное лето. Поблизости располагаются золоченные чертоги других богов, которые проводят свое время в пирах и веселье. На Олимпе часто бывает брат Зевса Посейдон, хотя его собственный дворец находится глубоко в пучине моря. Морская стихия в его полной власти. Волны и ветры послушны малейшему движению руки Посейдона, вооруженной трезубцем. Взмахнет им Посейдон – на море свирепствует буря, прострет трезубец над волнами – наступает тишина. Когда же он в гневе ударяет трезубцем о землю – она колеблется, отчего раскаляются горы и рушатся дома.

Дворец старшего из сыновей Крона неумолимого Аида скрыт глубоко под землей в царстве мертвых. Сюда никогда не проникают лучи солнца. Над берегами холодных рек и над полями, заросшими бледными цветами асфодела, носятся бесплотные легкие тени умерших. Они тихо жалуются на свою безрадостную жизнь без света и без желаний. Вход в подземное царство сторожит трехглавый пес Цербер. Аиду служат грозные богини мщения Эринии – страшные старухи, с извивающимися змеями вместо волос, черными как уголь телами и налитыми кровью глазами. Они неумолимо преследуют преступников, терзая их жестокими угрызениями совести и часто доводя до умопомрачения. В свите Аида находится также могущественная Геката – богиня магии и колдовства.

Из сестер Зевса первое место среди богов принадлежало Гере, которую считали покровительницей брака. После того, как она была извергнута из утробы Крона, Рея отправила дочь на край земли к седому Океану, где ее воспитала Фетида. Долгое время Гера жила вдали от Олимпа, в тиши и покое. Но однажды громовержец Зевс увидел ее, полюбил и похитил у Фетиды. С тех пор она стала его женой.

Из двух других сестер Зевса, Деметра, почиталась как богиня плодородия, дарующая благотворную силу земле, а Гестия – за ее доброту и сердобольность – как богиня домашнего очага.

6. Сыновья и дочери Зевса

Хотя Зевс окружил свою жену внешним почетом, их семейная жизнь была далеко не безоблачной. Очень часто Гере приходилось терпеть обиды от мужа, изменявшего ей с богинями и земными женщинами. Не имея возможности отомстить супругу, ревнивая Гера, жестоко мстила его избранникам. Когда Зевс полюбил дочь титана Коя Латону, Гера наслала на нее злого дракона Пифона. Тот преследовал несчастную по всему миру. И только укрывшись на острове Делос, она смогла родить сына Аполлона. Уже через несколько дней этот златокудлый бог отважно напал на Пифона и умертвил его своими стрелами. В дальнейшем Аполлон был принят в число олимпийских богов и пользовался величайшим почитанием как в Древней Греции, так и за ее пределами. Ему поклонялись как божеству света и видели в нем покровителя искусств. Из храмов, посвященных Аполлону, самый знаменитый находился в Дельфах. На протяжении многих столетий тут располагался наиболее почитаемый в Древней Греции оракул (так называли место, где давались прорицания). Мы знаем, что здесь же помещалась великая святыня – полукруглый камень "омфал", считавшийся центром всей земли. (Именно его, согласно легенде, подсунула своему мужу Рея, предварительно завернув камень в пеленки, и таким образом спасла Зевса). К центральному помещению примыкало второе, имеющее отдельный вход. Там из-под пола выступала расселина скалы, откуда поднимались одуряющие испарения. Здесь же стоял золотой треножник жрицы Аполлона – Пифии. Одурманенная парами, Пифия впадала в бредовое, боговдохновенное состояние и изрекала пророчества.

Одновременно с Аполлоном Латона родила его сестру Артемиду. Вечно юная и прекрасная, эта богиня никогда не расстается с луком и копьем. Древние греки считали, что большую часть времени Артемида проводит на охоте, причем от ее не знающих промаха стрел не может спастись никакая дичь. Ее почитали как покровительницу девственной природы, как владычицу лесов и диких зверей. Только те, кто пользовался ее любовью, имели удачу на охоте.

Среди детей Зевса и Геры наибольшим почитанием пользовались братья Арес и Гефест. Как внешне, так и характером они разительно не походили друг на друга. Прекрасного видом, но свирепого и жестокого Ареса непреодолимо влекли шум битвы, лязг оружия, стоны раненых и хрипы умирающих. Он стал богом войны. Напротив, хромой, добродушный Гефест – искусный мастер и опытный кузнец – стал богом огня и кузнечного ремесла. Греки считали, что Гефест живет на Олимпе, в великолепном дворце из золота, серебра и бронзы, однако большую часть времени, весь черный от пыли и копоти, трудится в своей кузнице.

Были у Зевса и другие дети.

7. Афина

Взяв в жены Геру, Зевс продолжал любить свою первую жену Метиду. Он знал, что она родит ему двоих детей – сына и дочь, – и оба будут обладать необычайным умом и силой. Зевс радовался этому до тех пор, пока богини судьбы мойры не открыли ему ужасную тайну. Оказалось, что сыну Метиды суждено свергнуть отца с престола и отнять у него власть над миром. Устрашенный Зевс усыпил Метиду ласковыми речами, а затем неожиданно напал на нее и проглотил. Ребенок, которого ждала богиня, так и не успел родиться. Но какое-то время спустя громовержца стали донимать отчаянные головные боли. Не зная, как избавиться от этой напасти, Зевс призвал сына Гефеста и велел разрубить себе голову. Послушный Гефест взмах-

нул молотом и мощным ударом расколол Зевсу череп. И что же он увидел? Из головы повелителя богов вышла дочь Метиды Афина-Паллада. Она была в полном вооружении, в блестящем шлеме, с копьем и щитом. Черты ее лица были необычайно прекрасны, а глаза горели мудростью. Никто не мог устоять перед ее обаянием. В дальнейшем Афина стала покровительницей городов и женских ремесел (прежде всего ткачества). Греки считали ее мудрой, проницательной и вместе с тем воинственной богиней. В сражениях она всегда была на стороне тех, кто отстаивал правое дело.

8. Гермес

Майя, дочь титана Атланта, родила Зевсу Гермеса – самого хитрого и плутоватого из олимпийских богов.

Рассказывают, что первую свою проделку Гермес замыслил сразу после рождения. Он решил похитить коров у Аполлона, который пас в это время стада в долине Пиэрии, в Македонии. Тихонько, чтобы не заметила мать, Гермес выбрался из пеленок, выпрыгнул из колыбели и быстро как ветер помчался в Пиэрию. Там он выкрал из стада Аполлона пятнадцать коров, привязал к их ногам тростник и ветки, чтобы замести след, и быстро погнался по направлению к Пелопоннесу. Двух коров он принес в жертву богам, потом уничтожил все следы жертвоприношения, а оставшихся коров спрятал в пещере, введя их в нее задом, чтобы следы коров вели не в пещеру, а из нее. Сделав все это, Гермес спокойно вернулся в грот к матери и лег потихоньку в колыбель, завернувшись в пеленки. Аполлон вскоре заметил пропажу и пустился на розыски, но нигде не мог найти своих коров. В пещеру, где они были спрятаны, он даже не стал входить: ведь следы вели наружу. Наконец вещие птицы указали Аполлону, кто является вором. Он явился в пещеру к Майе и потребовал вернуть коров. Гермес упорно отрицал свою вину, но вызванный на суд к отцу, должен был все же сознаться в содеянном. Однако Аполлон так и не получил своих коров обратно! Когда он услышал игру Гермеса на изобретенной тем лире, он пришел в такой восторг, что охотно отдал ему коров в обмен на необычный инструмент. В дальнейшем Гермес занял видное место в семье олимпийских богов. Он был покровителем торговли, изворотливости, обмана и даже воровства. Считалось, что в искусстве ловких проделок ему нет равных на всем свете. Поэтому Зевс всегда возлагал на него наиболее трудные и деликатные поручения.

9. Афродита

Океанида Диона родила Зевсу дочь – томную и обольстительную Афродиту – богиню любви и красоты. Зевс отдал ее в жены хромому Гефесту, который к тому же вечно пропадал в своей кузнице и возвращался домой, пропахший потом и копотью. Афродите не интересны были заботы ее мужа и она вскоре нашла утешение в любви его прекрасного брата – бога войны Ареса. Но однажды любовники слишком долго задержались в постели. Бог солнца Гелиос заметил их и донес обо всем обманутому мужу. Рассерженный Гефест выковал тонкую, как паутина, но удивительно прочную бронзовую сеть и незаметно прикрепил ее к кровати. Потом он сделал вид, что отправляется на Лемнос. Афродита тотчас послала за Аресом. Тот не заставил себя долго ждать. Оба с радостью возлегли на ложе и после любовных утех погрузились в сладостный сон. На это и рассчитывал Гефест! Ночью на любовников упали сети и обхватили их с такой силой, что

...не было средства ни встать им, ни тронуться членом;

Скоро они убедились, что бегство для них невозможно...

Дальше повествуется о том, как разгневанный Гефест, убедившись, что его подозрения небезосновательны, стал громко вопить, созывая других богов – он хотел чтобы они стали свидетелями его обмана. На его крики явились Аполлон, Гермес и Посейдон. Они стали смеяться над Аресом, но вместе с тем не скрывали своего восхищения, лицезрея прекрасную Афродиту. Никакого возмущения по поводу вероломства Ареса боги не испытали. Аполлон спросил у Гермеса:

«...Искренне мне отвечай, согласился ль бы ты под такую

Сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?»

В ответ Гермес чистосердечно признался, что, окажись сетей хоть втрое больше, и пусть все богини ругают его, он не отказался бы от такого удовольствия.

10. Дионис

Наряду с Олимпийской религией в Древней Греции существовали другие религиозные культы, лишь отчасти связанные с ней поздними мифами. Совершенно особенным по своему духу и очень древним был культ Диониса, оказавший глубокое влияние на все эллинское сознание. О появлении на свет этого бога рассказывали следующее. Фиванский царь Кадм имел сына Полидора, а также четырех дочерей: Автоною, Ино, Агаву и Семелу. Младшая царевна была самой прекрасной и более всех сестер мечтала о замужестве. Она часто молила богов послать ей красивого и знатного супруга, и вот с некоторых пор в ночном мраке и в сонной полудреме ей стал являться Некто невидимый. Ночь он проводил в спальне Семелы, а перед рассветом, прежде чем солнце успевало осветить землю, – исчезал. Дивно то было Семеле. Сестрам и родителем она ничего об этом чуде не рассказывала. Но однажды заглянула к ней во дворец старая кормилица. Семела не удержалась и поведала ей о своем таинственном супруге.

– Удивляюсь я твоему простодушию, – воскликнула старуха, – как ты могла стать женой ночной тени? Откуда ты знаешь, что он не урод?

– И в самом деле, – растерялась Семела, – мне не разу не довелось увидеть его лица. Что же делать?

– Заставь его поклясться в том, что он исполнит твое желание, – сказала гостя, – а потом потребуй, чтобы он явился к тебе в своем подлинном обличе.

Совет этот понравился Семеле, и она решила им воспользоваться. Бедняжка не знала, что ее мужем был сам владыка богов Зевс, а под видом кормилицы к ней явилась ревнивая Гера, помышлявшая только о том, как ее погубить.

И вот, когда Зевс в очередной раз опустился на землю и проник в ее спальню, Семела сначала потребовала от него означенной выше клятвы, а потом воскликнула: "Явись передо мной таким, каков ты есть!" Что тут началось! Удары грома потрясли дворец Кадма, и в блеске молний перед несчастной царевной возник сам Громовержец! Он был воистину прекрасен, но, увы, это зрелище не предназначалось для смертных очей. Все, что было вокруг, погубило в испепеляющем пламени. Несчастливая Семела тоже была обречена, но прежде, чем она умерла, у нее родился сын Дионис – крошечный, слабый, не способный жить ребенок. Чтобы сохранить ему жизнь, Зевс тотчас зашил его в своем бедре и извлек на свет божий только через несколько месяцев, когда Дионис окреп и ему уже ничего не угрожало. Это был чудный мальчик – игривый, веселый, ласковый. Отец поручил его воспитание сначала нисейским нимфам, а потом – старику Силену.

Когда Дионис подрос, он открыл секрет виноделия и решил научить этому искусству всех людей. В сопровождении веселой толпы сатиров (веселых козлоногих божков) и менад

(так называли восторженных почитательниц Диониса, которые с громкими прославлениями повсюду следовали за ним) он отправился странствовать по свету и прежде всего посетил Египет. Оттуда он отправился в Индию, обучил ее народ виноградарству, дал ему законы и основал несколько больших городов. Из Индии Дионис вернулся в Европу и стал распространять виноделие во Фракии. Тамешние жители поначалу встретили его очень враждебно. Но после того, как по воле Диониса земля сделалась бесплодной и перестала родить, фракийцы решили поклоняться ему как богу.

Обойдя затем всю Грецию и обучив ее жителей виноделию, он отправился в плаванье по островам. Как и прежде вокруг него творилось множество чудес. Рассказывают, что он являлся в образе козла, льва, быка и пантеры, заставлял бить из-под земли фонтаны вина, молока и меда. К друзьям он был добр и внимателен, а те, кто пытался ему мешать, несли заслуженное наказание. Однажды Дионису надо было добраться до острова Наксос. Он нашел тирренский корабль, который отправлялся в нужную ему сторону, и спокойно взошел на него. Но едва судно вышло в море, открылось, что вся его команда состоит из отпетых негодяев и свирепых разбойников. Они только для того и взяли с собой юношу-Диониса, чтобы похитить его и продать в рабство. Прежде пираты не раз проделывали подобные штуки, и это всегда сходило им с рук. Однако на этот раз они просчитались. Как только злодеи попытались схватить свою жертву, начали происходить необъяснимые вещи: из палубы выросла виноградная лоза, опутавшая всю мачту, оснастка оказалась оплетенной плющом, весла превратились в змей, а сам Дионис обернулся львом. Корабль наполнился дикими зверями, зазвучали флейты. В ужасе пираты попрыгали в воду и сделались дельфинами. Слух об этом чуде далеко прославил Диониса и заставил многих уверовать в него как в бога. Наконец, установив свой культ во всем мире, он отправился на Олимп и был принят в семью бессмертных богов. В Греции и многих других странах Диониса почитали как бога виноделия и буйного веселья. Яркой отличительной чертой его культа являлись, так называемые, дионисии – разнузданные женские оргии. В определенные дни почтенные матери семейства, женщины и девушки стекались в глухие леса и здесь, опьяненные вином, предавались диким иступленным пляскам. Считалось, что в эти минуты они всецело принадлежали божеству производительной силы природы – Дионису или Вакху. Культ Диониса не был связан с каким-то особым вероучением или ритуалом, а являлся, по определению Вяч. Иванова, «психологическим состоянием по преимуществу». Отдаваясь власти Диониса, человек стряхивал с себя путы повседневности, освобождаясь от общественных норм и здравого смысла. Опека разума исчезала, вакханка как бы сливалась с потоком божественной жизни и включалась в стихийные ритмы мироздания.

11. Древнейшая религия греков

Историков всегда интересовало, насколько точно позднейшие мифы отражают религиозные представления более древних поколений. Долгое время они могли строить на этот счет только более или менее обоснованные предположения. Сейчас, после того как прочитаны таблички, найденные в древнем городе Пилосе (этот город погиб в конце XIII в. до Р.Х. и с тех пор не восстанавливался) наши знания по этому предмету значительно расширились.

Оказалось, что в те далекие времена греки верили в тех же олимпийских богов, имена которых известны нам из позднейших мифов. Так в Пилосе очень чтили Посейдона. Создается впечатление, что именно он, а не Зевс, считался тогда владыкой богов. В пилосских табличках упомянут Арес; несколько раз говорится об Артемиде – богине охоты и владычице природы. Греки того времени почитали Гефеста и Геру. Гермес также был известен. Вместе с тем, ни в одной из найденных табличек нет упоминаний об Аполлоне, Афине и Афродите. Отсутствует богиня плодородия Деметра, но зато есть «владычица хлебов» Сито. Наряду с ней встреча-

ются другие женские божества, не засвидетельствованные более поздними мифами, например Дивия и Посидаэя. Очень важным божеством являлась Эриния, почитавшаяся в древнейшую эпоху, как владычица подземного царства. Наряду с этим большое значение имел культ Матери богов – Ма, которую позже отождествили с Реей. Из сказанного видно, что религиозные представления греков, отраженные в позднейших мифах, в своих основных положениях восходят к глубочайшей древности, но в частностях и деталях заметно отличаются от тех, что имели распространение в XIII в. до Р.Х.

Глава II. Фессалия

Девкалион и Пирра

В мифах не сохранилось никаких воспоминаний о той далекой поре, когда греческие племена жили за пределами Балканского полуострова. Своей прародиной сами греки считали Фессалию и рассказывали о происхождении своего народа следующий миф. Однажды Зевс принял образ бедного странника и явился во дворец царя пеласгов Ликаона. Хотя по виду он был простым смертным, знамения открывали всем благочестивым людям, что перед ними кто-то из семьи бессмертных олимпийцев. Народ воздавал Зевсу божественные почести и падал перед ним ниц. Только Ликаон и его нечестивые сыновья не видели этих знамений и глумились над гостем. Чтобы посмеяться над легковерием своих подданных царь придумал следующую, как ему казалось, остроумную шутку. Он велел убить одного из пленников и сварить суп из его потрохов, смешанных с потрохами овец. После трапезы он собирался признаться в совершенном и тем самым поставить Зевса (которого считали всеведущим) в глупое и нелепое положение. Но едва отвратительное кушанье оказалось на столе, громовежец все понял. В гневе он разрушил дворец Ликаона, а его самого обратил в кровожадного волка.

Это преступление стало для человечества причиной неисчислимых бедствий, ибо ярость Зевса, после того, как он покарал наглого преступника, не прошла. Он с отвращением взирал на людей и видел во всех их поступках только дурное. Наконец он решил уничтожить все земное население и создать вместо него другое. Огромные тучи заволкли все небо и на землю обрушились неисчислимые потоки воды. Моря вышли из берегов и вскоре в их пучине скрылись все земные города со своими стенами, домами и храмами. Множество людей погибло. Уцелели только те, кто успел бежать на вершины гор.

Спаслись также царствовавший в Фессалии Девкалион и его жена Пирра. Отцом Девкалиона был мудрый титан Прометей. Проницательно разгадав замыслы Зевса, он посоветовал сыну построить большой ящик, загрузить его водой и провизией. Едва на землю пали первые капли карающего дождя, царь и царица укрылись в этом ящике и плотно затворили крышку. Вскоре его подхватили волны бушующего моря. Потоп продолжался девять дней и девять ночей. Потом вода стала понемногу спадать. Когда ящик прибило к какой-то из горных вершин, Девкалион и Пирра выбрались на сушу. Первым делом они принесли жертву Зевсу и горячо поблагодарили его за спасение. Но потом, оглядевшись вокруг и убедившись, что их страна превратилась в пустыню и все подданные погибли, они стали горько сетовать на судьбу. Видя их горе, громовежец смягчился и отправил к Девкалиону Гермеса, который сообщил, что в награду за благочестие боги готовы исполнить любое желание. Но чего могли желать царь и царица? Они просили только одного: пусть Зевс опять населит землю людьми. Повелитель богов согласился. Он велел Девкалиону и Пирре набрать камней и бросать их не оборачиваясь через голову. Те так и поступили. Из брошенных ими камней возникли люди – мужчины и женщины, – которые стали их новыми подданными.

Заметим, что по некоторым вариантам мифа потоп погубил все человечество, и в живых на всей земле остались только Девкалион и Пирра. Но по всему видно, что катастрофа не была такой глобальной и опустошительной – уцелели не только отдельные герои, но и целые народы (например, пеласги, царь которых, являлся главным виновником разыгравшегося светопреставления). Миф не уточняет какой народ возник из брошенных камней. Однако сами греки несомненно относили это превращение на свой счет. Потоп стал первым ярким событием, запечатлевшимся в народной памяти. От него берет начало мифологическая история греков. Позже греческие историки попытались вычислить приблизительное время катастрофы. В переводе на наше летоисчисление она произошла за шестнадцать веков до рождения Христа. В это время в Восточном Средиземноморье действительно происходили частые разрушительные землетрясения, следствием которых могли быть цунами и наводнения.

Эллин и его сыновья

У Девкалиона и Пирры родилось несколько сыновей и дочерей. Самым старшим из них был Эллин, наследовавший после отца царскую власть в Фессалии. Он имел трех сыновей: Эола, Ксуфа и Дора. Эол стал царем после Эллина, и от него фессалийские греки получили прозвание эолийцев. У него было много сыновей и дочерей. Некоторые из его потомков сами стали родоначальниками царских династий в других землях. Так его старший сын Кретей основал на берегу моря в юго-восточной Фессалии город Иолк. Другой сын Сизиф стал основателем Коринфа. Еще один сын Эола, Периер, поселился на юге Пелопоннеса и стал правителем Мессении. Внук Эола Эндимион, сын его дочери Калики, с частью эолийцев занял западное побережье Пелопоннеса и заселил страну, которая позже называлась Элидой. Сын Эндимиона Этол захватил земли на другом берегу Коринфского залива. По его имени эта часть Греции стала именоваться Этолией.

Дор с частью греков, которые по его имени назвались дорийцами, попробовал создать собственное царство на северо-западе Фессалии, но потерпел поражение от перребов и ушел на юг, в Центральную Грецию. Здесь дорийцы сразились с дриопами и заняли принадлежавшие им земли в верховьях реки Кефис, между горными массивами Парнаса и Эты. Их страна позже была известна как Дорида.

У Ксуфа была другая судьба. После смерти Эллина братья обвинили его в краже отцовского имущества и прогнали из Фессалии. Ксуф нашел приют в Афинах – городе, располагавшемся в Центральной Греции, на полуострове Аттика. Здешние пеласги хорошо приняли изгнанника. Ксуф женился на дочери афинского царя Эреxfея, и она родила ему двух сыновей – Ахея и Иона. Ион унаследовал царскую власть в Афинах и так прославился своими подвигами и своим мудрым правлением, что местные жители от его имени стали называть себя ионийцами. В дальнейшем Иону удалось завоевать северную часть Пелопоннеса. Подвластная ему страна получила название Ионии.

Брат Иона Ахей вернулся в Фессалию и здесь умер. Его сыновья Архандр и Архител, не ужившись со своими родичами, отправились искать счастья в Южную Грецию. Аргосский царь Данай выдал за них своих дочерей. Позже сыновья Ахея получили в приютившем их городе большую силу, и жившие там пеласги приняли прозвание ахейцев.

На основании этого мифа можно заключить, что в глубокой древности собственно греческими племенами считались эолийцы и дорийцы, а ионийцы и ахейцы являлись скорее пеласгами, попавшими под власть греков и принявшими греческий язык. Сами древнегреческие историки писали, что до своего объединения с пеласгами греки-пришельцы в южных областях Греции были сравнительно немногочисленным народом. Но потом, включив в свой состав другие племена, они заметно умножились и усилились. А пеласги, хотя и стояли на более высоком

культурном уровне, до своего соединения с греками не смогли совершить ничего выдающегося.

Европа

Греческие мифы о завоевании Крита упоминают лишь мимоходом. Согласно традиции, власть греков над островом установил Тектам, сын Дора, который вторгся сюда во главе большого войска, состоявшего из эолийцев и пеласгов. После Тектама царскую власть наследовал сын Астерий. В годы его царствования случилось одно замечательное событие, навсегда оставшееся в памяти потомков. Легенда повествует, что у царя Агенора, правившего в сирийском городе Сидоне, была единственная дочь, прекрасная как бессмертная богиня. Звали ее Европа. Однажды юную красавицу, игравшую с подругами, увидел Зевс и тотчас решил ее похитить. Но как приблизиться к девушке незаметно? Как усыпить ее осторожность? Громовержец прибег к следующей хитрости: он перенесся на берег моря, в то место, где всегда гуляла царевна, и превратился в большого белоснежного быка с жемчужными рогами. Отправившись как обычно на прогулку, Европа увидела благородное животное и стала с ним играть: она гладила его прекрасную голову, украшала рога венками и, наконец, забралась к нему на спину. А бык, как оказалось, только этого и ждал! Он неожиданно вошел в воду и быстро поплыл в открытое море. Когда подружки и служанки заподозрили неладно, было уже поздно – бык скрылся из глаз. С царевной на спине Зевс добрался до Крита и только здесь принял человеческий облик. Европа стала его женой и в следующие годы родила громовержцу трех сыновей: Миноса, Радаманта и Сарпедона.

По прошествии нескольких лет Зевс расстался с Европой, а перед этим устроил ее брак с Астерием. Так сидонская царевна стала царицей Крита. Астерий в то время был уже стар. Своих детей у него не имелось. Поэтому он усыновил сыновей жены и завещал им свой престол. Но вот беда – когда их отчим умер, братья не смогли договориться о любовном разделе наследства. Между ними возникли распри. В конце концов в борьбе победил Минос, который и стал новым царем. Его правление было славным и блестящим.

Афамант

Из всех сыновей Эола самая необычная судьба была у Афаманта. Еще в молодости он переселился в город Орхомен в Средней Греции, принадлежавший племени миниев. Когда местный царь умер, не оставив наследников, минии избрали Афаманта своим царем. Он был красив, богат, могущественен. Многие правители мечтали породниться с ним, однако Афамант равнодушно отвергал их предложения из-за любви к богине облаков прекрасной Нефеле. От нее он имел двоих детей – сына Фрикса и дочь Геллу.

Но по прошествии нескольких лет страсть Афаманта к небесной супруге ослабла. Однажды он гостил у одного из соседних царей и ему приглянулась его черноглазая дочка по имени Ино. Слово за слово завязались переговоры о браке. Афамант оставил Нефелу и взял в жены понравившуюся ему девушку. Вскоре она родила ему двоих сыновей – Леарха и Меликерта. Очень счастлив был в то время Афамант. Ино оказалась хорошей царицей, нежной женой и заботливой матерью. Одно только было в ней худо: с первого взгляда Ино возненавидела Фрикса и думала только о том, как его погубить. Наконец в голове у нее созрел хитроумный план. Тайком от мужчин царица созвала минийских женщин и велела им иссушить семена, заготовленные их мужьями для посева. Миниянки сделали все по ее желанию. Осенью орхоменяне засеяли поля порченным зерном, но так и не дождались всходов. Долго гадали они о причинах приключившейся с ними напасти и наконец решили отправить посольство в Дельфы – спросить оракул и узнать за что гневается на них боги. Ино только это было и нужно! Она

позвала к себе послов, дала им дорогие подарки, а потом сказала: "Всех вас изведу, если не будете меня слушаться!" Послы обещали в точности исполнять волю царицы. Для виду они съездили в Дельфы, но утаили подлинный оракул, полученный ими от Пифии, а вернувшись в Орхомен сказали то, что велела им Ино: "Только тогда боги возвратят плодородие нашим нивам, когда Афамант принесет им в жертву своего сына Фрикса!"

Услышав эти слова, Афамант пришел в ужас. Чего угодно ожидал он от посольства, но только не этого! Однако при всей любви к сыну, он не смел ослушаться воли богов. Обливаясь слезами, царь взял мальчика за руку и повел на гору Лафистий. Тут ожидали его почти все жители города. Многие жалели царевича, но другие говорили: "Если поля останутся бесплодными, всех нас ждет голодная смерть. Пусть боги возьмут, что им нужно". Никто не пожелал прийти на помощь маленькому Фриксу. Только чудо могло спасти его, и это чудо произошло! В последний момент, когда главный жрец готовился перерезать несчастному горло, среди толпы появился прекрасный баран с длинной золотой шерстью, ослепительно сверкавшей на солнце. Откуда он взялся? Фрикс не сомневался, что его послала в Орхомен его мать Нефела. Миг – и он уже сидит на спине у барана. "Возьми меня с собой! – закричала брату Гелла. – Я не хочу оставаться с мачехой". Фрикс протянул ей руку и помог усесться позади себя. "Унеси нас отсюда, – сказал он барану, – унеси нас отсюда навсегда". Баран издал громкое блеяние, подпрыгнул и... взвился в воздух. У Фрикса даже дух захватило от неожиданности, так быстро это произошло. Он взглянул на землю и обмер – ну и высота! Далеко внизу стремительно пронеслись поля, леса и реки... Потом показалось море. У бедняжки Геллы от этого необычайного зрелища закружилась голова.

– Я не могу это видеть, – прошептала она брату. – Ах, мои руки слабеют, в глазах темнота...

– Держись! – крикнул ей Фрикс. Но поздно! Пальцы девочки разжались. Словно камень низринувшись она вниз и исчезла в волнах бушующего моря... Страшно и горько было Фриксу видеть гибель любимой сестры. Но что он мог сделать? Глотая слезы, мальчик смотрел вперед, где вырастали из моря огромные горы. Это был Кавказ, а за ним лежала Колхида – далекая страна, которая по воле богов должна была стать его новой родиной...

А что же Афамант? В ту минуту, когда золотой баран взмыл в воздух, послы упали перед ним на колени и признались в своем обмане. Таким образом раскрылись козни царицы, но Афамант на радостях простил ее. Жизнь в Орхомене потекла по-старому. Ино старалась во всем угождать мужу, а он любил ее горячо и нежно. Под их мудрым правлением минийский народ процветал и благоденствовал. Все были довольны. Одна Нефела чувствовала себя несчастной. Ведь она лишилась дочери, ее сын едва не погиб ужасной смертью и скрывался на чужбине, а злокозненной Ино хоть бы что! День и ночь Нефела проливала горькие слезы перед Герой и постоянно напоминала ей о своем унижении. Наконец царица богов прониклась к ней сочувствием и решила, что Афамант должен быть наказан за измену, а его жена – за злые происки. И вот однажды, когда Афамант меньше всего это ожидал, богини наслали на него страшное наваждение. Находясь в своем дворце, он вдруг вообразил себя на охоте. Жену и детей он принял за оленей и стал громко требовать свой лук. "Смотрите! Белый олень, – кричал он. – Расступитесь все, стреляю!" Первой же стрелой царь поразил старшего сына Леарха. Несчастный мальчик упал на землю и испустил дух. Можно вообразить, каково было видеть это Ино! Бедняжка тотчас поняла, что у мужа помутился рассудок. Схватив младшего сына Меликерта, она бросилась бежать в сторону моря. Афамант с копьем в руках преследовал ее. Глаза его сверкали, волосы развевались, из груди вырывались громкие крики. Ему-то казалось, что он травит оленя! Куда было деваться царице? Из последних сил взбежала она на Молурийскую

скалу и прыгнула с нее в воду... С тех пор никто не видел Ино живой, однако греки верили, что она не умерла а превратилась в морскую богиню Левкофею.

Едва волны сомкнулись над головой царицы, разум Афаманта прояснился. Мысль о том, что он стал невольным виновником гибели жены и детей повергла его в ужас. От горя он едва во второй раз не лишился рассудка. Целыми днями он бесцельно бродил по Орхомену, где все напоминало ему безвозвратно ушедших близких, и наконец возненавидел этот город. Тогда царь отрекся от престола, и с небольшой свитой отправился в Дельфы.

– Я несчастный преступник, погубивший жену и сыновей, – признался он Пифии. – Пусть бог укажет место, где бы я мог провести остаток жизни.

– Ищи свою родину там, – загадочно отвечала жрица, – где дикие звери угостят тебя ужином.

Что мог означать этот оракул? Афамант и его спутники были в недоумении: никто из них никогда не слыхал про такое чудо. Но чего не бывает на белом свете! Они снарядились для дальней дороги и двинулись на север. Путь их оказался неблизким. Миновав многие области Греции, Афамант добрался до неведомой горной страны, где не было ни сел ни городов. Скоро у путников кончились еда и питье. Усталые вышли они к берегам неизвестной реки и внезапно наткнулись на волчью стаю, пожиравшую убитых овец. При виде людей волки разбежались, а голодные товарищи Афаманта собрали остатки баранины, изжарили ее на костре и утолили мучивший их голод. "Так вот оно место, назначенное для нас богом!" – воскликнул царь, и все согласилось, что он верно разгадал оракул. Местность и в самом деле оказалась очень удобной для жизни. Тут было много хорошей воды, тучные пастбища и плодородная земля. Афамант основал на берегу реки город Афамантий и стал царствовать над местными горцами, признавшими его власть. От его имени они стали называться афаманами, а вся окрестная страна получила прозвание Афамании.

Тиро и ее сыновья

У царя Эола был сын по имени Салмоней. Сначала он правил в Фессалии, но потом вместе с частью эолийцев переселился в Элиду и основал на берегах реки Энипей город Салмону. Про этого царя рассказывают странные вещи. Собрав однажды своих подданных, Салмоней объявил им, что он никто иной как сам Зевс, и люди должны приносить ему жертвы как богу! Горожане дивились такому сумасбродству, но делали все, что от них требовали. Между тем высокомерие Салмоней становилось день ото дня все более невыносимым. Он разъезжал по городу, волоча за своей колесницей высушенные шкуры вместе с медными кувшинами, и заявлял, что производит таким образом гром; порой он бросал в небо зажженные факелы, и говорил, что мечет молнии. Наконец его наглость рассердила Зевса и он уничтожил Салмону вместе со всеми ее нечестивыми жителями.

После смерти Салмоней осталась его дочь – прекрасная Тиро, которая находилась на воспитании у мачехи Сидеро. Последняя не любила юную царевну и обращалась с ней очень сурово. Единственная отрада была у Тиро – ее любовь к речному богу Энипею, однако и здесь она не нашла счастья. Бог моря Посейдон узнал, что Тиро собирается стать женой Энипея, принял образ этого бога и сошелся с ней тайным браком. После этого он бросил бедняжку, которая родила через год двух близнецов. Мальчики оказались крепкими и изумительно красивыми. Тиро было ужасно жаль оставлять их, но как прийти с детьми в дом к жестокой мачехе? В тайне от всех царевна отнесла их на ближайшую гору, крепко укутала и сказала со слезами: "Лежите здесь и ждите. Ваш отец обязательно о вас позаботится".

Так оно и случилось. В тот же день через гору гнали табун лошадей. Кобыла лягнула в лицо одного из мальчиков и тот громко заплакал. "Вот те раз! – сказал табунщик. – Какие прелестные детки! Отнесу-ка я их к своей жене. Своих детей у нас нет, то-то она будет счастлива!"

Жена табунщика в самом деле обрадовалась находке и воспитала найденышей как собственных сыновей. Того, что поранила лошадь, она назвала Пелием, а его брата – Нелеем. Когда братья выросли, возмужали, превратились в сильных и ловких молодых людей, их отец Посейдон раскрыл им тайну их рождения и велел отправляться к матери Тиро.

В судьбе Тиро за эти годы тоже произошло много важных перемен. Прежде всего ей удалось отделаться от мачехи Сидеро, жизнь с которой сделалась просто невыносимой. Она уехала в фессалийский Иолк, к своему дяде царю Кретею. Здесь ей очень понравилось. Хотя Иолк возник совсем недавно, он быстро разросся и сделался главным городом Фессалии. Плодородие его полей, торговля и мореплавание принесли ему богатство. Жизнь в Иолке была ключом. Добрый Кретею радушно принял племянницу, а потом предложил ей выйти за него замуж. Тиро согласилась, и брак их в самом деле оказался удачным. Спустя какое-то время у царской четы родился старший сын Эсон, а потом появились на свет двое младших – Амитаон и Ферет.

Тихо и счастливо протекала жизнь Тиро с престарелым Кретеем. Она уже стала забывать свою первую любовь, как вдруг из Элиды явились два ее первенца. Чудно было Тиро увидеть взрослыми сыновей, которых она помнила маленькими и беспомощными. Кретею обрадовался их появлению не меньше матери и радушно принял в своем доме.

С тех пор положение Пелия и Нелея ничем не отличалась от положения их сводных братьев, с самого рождения считавшихся природными царевичами. Но от этого они не стали дружнее! Как раз наоборот. Близнецы никак не могли забыть, что в то в то время, как сыновья Кретея не знали забот в царском дворце, они должны были трудом зарабатывать себе на жизнь. И что ждало их в будущем? – В лучшем случае быть слугами Эсона! Ведь именно он собирался унаследовать престол. Но разве царская власть не принадлежит им по праву? По годам они старше Эсона, а отцом их являлся сам владыка морей Посейдон! Так рассуждали братья, и многие в Иолке были согласны с ними. Кретею оглянулся не успел, как близнецы набрали в городе большую силу, обзавелись приспешниками и стали влиятельными людьми. Просто диво, насколько быстро все это свершилось! Умные люди указывали царю на исходившую от Пелия и Нелея опасность и предлагали удалить близнецов из страны, но Кретею по своей доброте не обращал на это внимания. И напрасно! Не успел старик умереть, как его приемные сыновья восстали против Эсона и оттеснили его от власти.

Однако на этом борьба не кончилась. До поры до времени братья действовали сообща. Но затем коварный Пелий обратил свои козни против прямодушного и пылкого Нелея. Борьба с ним было трудно и опасно. Нелей благоразумно уступил брату власть, а сам решил поискать счастье в далеком Пелопоннесе. Вместе с ним покинули Иолк многие его сторонники. Вскоре Нелею удалось овладеть мессенским Пилосом и основать свое собственное царство. Узнав о его успехе, в Пилос бежал второй сын Кретея, Амитаон. Там родились у него сыновья – знаменитые герои Биант и Меламп. Третий сын Кретея, Ферет, основал в Фессалии город Феры и сделался в нем царем. Его сыном был Адмет. Сам Пелий женился на Анаксибии и имел от нее пятерых детей: сына Акаста и четырех дочерей.

Ясон и Медея

1. Юность Ясона

Тяжелая судьба выпала на долю Эсона! Рожденный для царской власти, он всю жизнь прожил на положении пленника при дворе своего брата Пелия. За каждым его шагом следило

множество шпионов, а о любом его слове немедленно доносили царю. Люди чурались Эсона как зачумленного. И не мудрено – ведь всякого, кто мог быть заподозрен в дружбе с ним, ожидало изгнание. Жестокий Пелий очень боялся заговора и потому старался заблаговременно избавляться от своих врагов.

От такой невеселой жизни Эсон привык во всем видеть только плохую сторону. Когда его жена Полимеда сообщила, что у них скоро будет ребенок, царевич не обрадовался, а только тяжело вздохнул. "Наше дитя не будет счастливо, – сказал он. – Если родиться девочка, мой брат ни за что не даст ей выйти замуж. А если это будет мальчик, он просто убьет его!" Однако Полимеда придумала как помочь горю: сейчас же после родов было объявлено, что младенец умер; его оплакали и похоронили. На самом деле новорожденного мальчика тайком вынесли из Иолка и отправили на гору Пелион к мудрому кентавру Хирону. Кентавр назвал малыша Ясоном и охотно занялся его воспитанием. А уж в этом, поверьте, он знал толк! В следующие годы Ясон не только научился в совершенстве владеть копьем, мечом и луком, но усвоил также хорошие манеры и искусство красноречия. Старому Хирону было что рассказать, ведь он жил на земле уже не первую сотню лет. Но из всех его историй маленькому Ясону больше всего запала в сердце одна – о золотом руне.

– Золотой баран взвился в воздух и полетел? – спрашивал он.

– Да, – отвечал Хирон, – это был не обычный баран – его добыл Гермес по приказу самой Геры.

– И неужели Гелла погибла?

– Ничего не поделаешь, – говорил Хирон, – но в память о ней море между Европой и Азией называется Геллеспонтом.

– А Фрикс, что с ним потом стало?

– Он остался жить у царя Колхиды и женился на его дочери.

– А баран?

– Золотой баран не мог жить среди людей, его следовало вернуть богам. Поэтому Фрикс принес его в жертву Зевсу. Но в Колхиде сохранилось его золотое руно. Фрикс думал, что оно принесет счастье его роду.

– Вот как? – глаза маленького Ясона горели от возбуждения. – Но ведь мы с Фриксом из одного рода?

– Конечно, – соглашался кентавр. – Вашим общим предком был Эол.

– Когда я вырасту, я обязательно добуду это руно! – говорил Ясон.

– Путь к нему трудный и далекий, – замечал наставник. – И не верю я, что царь Колхиды Ээт запросто расстанется с таким сокровищем. Говорят, что руно висит в священной роще бога войны Ареса, а сторожит его ужасный, извергающий пламя дракон, никогда не смыкающий своих глаз.

Затем Хирон начинал рассказ про многие опасности, подстерегавшие смельчака на пути в Колхиду: были тут истории про мерзких плотоядных гарпий, про сталкивающиеся скалы Симплегады, про медноперых птиц-стимфалид и многое другое. Но этим от только раззадоривал своего ученика.

Двадцати лет отроду Ясон распрощался с кентавром и отправился в свой родной Иолк. Он знал, что дядя Пелий постарается погубить его, но нисколько его не боялся. Молодой, прекрасный, могучий, с пестрой шкурой пантеры на плечах появился он на улицах города. В руках у Ясона было два копья с широкими наконечниками, а на ногах только одна сандаля (вторую он потерял, переправляясь через реку Эвен). Жители с удивлением взирали на него, и царю тотчас было доложено о незнакомце. Пелий призвал Ясона на площадь к своему дворцу (там как раз шел праздник) и стал расспрашивать о его родне.

– Сдается мне, что мы не чужие, царь, – смело отвечал Ясон. – Я сын Эсона, твоего брата и пришел добиваться трона, принадлежащего мне по праву.

Пелий мрачно посмотрел на племянника и сказал:

– Юноша, не буду скрывать, что совсем не рад твоему приходу. Оставим в стороне спор между мной и твоим отцом. Есть еще одно дело, касающееся до тебя лично. Как-то раз я спросил в Дельфах оракул об имени человека, которому суждено лишить меня власти. Бог отвечал: "Твоя власть, Пелий, крепка и тверда. Не бойся своего брата Эсона – он слишком ничтожен, чтобы быть опасным. Не бойся своего брата Нелея – он далеко уступает тебе в коварстве. Но бойся человека обутого на одну ногу". Итак, угроза всему моему будущему – в тебе. Как же прикажешь мне поступить?

– Это прямой вопрос, и я постараюсь ответить на него честно, – промолвил Ясон. – Будь я на твоём месте, я поручил бы своему врагу такое, чего без воли богов совершить невозможно – я поручил бы ему доставить в Грецию золотое руно!

При этих словах громкий ропот прошел над толпой народа. Пелий усмехнулся, повернулся к горожанам и сказал:

– Все слышали, что предложил этот человек? Не я послал его на верную смерть – он сам избрал свою судьбу. Пусть теперь докажет нам, что пользуется любовью богов: пусть привезет в Иолк золотое руно, и я добровольно уступлю ему власть над Фессалией!

2. Поход Аргонавтов

Ясон принял условия дяди и, хотя многие говорили ему, что он берется за невыполнимое дело, стал деятельно готовиться к трудному путешествию. Прежде всего он решил позаботиться о хорошем и крепком корабле. Оно и понятно – ведь путь ему предстоял неблизкий! По его просьбе феспиец Арг заложил в гавани Пагасы большой пятидесятивесельный корабль. Строили его из выдержанного дерева, срубленного на горе Пелион. Судно вышло хоть куда! Оно было легким, быстрым и несло по волнам моря словно чайка. Ясон был так им доволен, что разрешил назвать корабль по имени мастера – "Арго". От имени корабля все участники похода стали именоваться аргонавтами. Надо сказать, что в желающих недостатка не было. Ясону даже пришлось отбирать из их числа наилучших. Наконец все было готово. На борт погрузили запасы пищи и пресной воды. Ясон принес богатые жертвы всем богам, но в особенности молил о помощи Геру, Афину и Аполлона. Мать и отец много плакали, провожая его, однако Ясон не сомневался в успехе. Он говорил: "Бессмертные боги на моей стороне. Первые герои Греции избрали меня своим предводителем. Все что мне нужно теперь для успеха – это мужество и настойчивость. И я знаю, что они у меня есть!"

В назначенный день аргонавты взошли на корабль, дружно налегли на весла и двинулись в путь. Как и предрекал Хирон, путь в Колхиду оказался опасным и трудным. Тысячи приключений пережили отважные путешественники: то и дело им приходилось вступать в сражения с враждебными аборигенами, побеждать чудовищ и противостоять морской стихии. Наконец все преграды были преодолены, и "Арго" пристал в гавани у стен Эи – так называлась столица колхов, расположенная на берегах реки Фасис. Прекрасный был это город! Но краше всего казался величественный дворец царя Ээта, построенный для него Гефестом. Его окружали высокие стены с множеством башен, уходящих в самое небо. Широкие ворота были украшены мрамором, а ряды белых колонн сверкали на солнце, образуя портик. Внутри располагались богатые чертоги. В самом великолепном из них жил царь Ээт. Он уже знал о приезде чужеземцев и ожидал их с надменным лицом в своем тронном зале. Когда Ясон обратился к нему с приветственной речью и сказал о цели своего приезда, глаза царя гневно сверкнули. Ах, если бы он мог перебить этих дерзких пришельцев! Но Ээт боялся навлечь на себя гнев богов и потому постарался сохранить хотя бы внешнее дружелюбие.

– Мы свято блюдем волю Фрикса, – промолвил он, – а воля его всем известна: хотя вы, греки, хотели его убить, а мы, колхи, приняли его со всем радушием, он считал, что золотое руно должно возвратиться на его родину. Что же, пусть так оно и будет! Однако, поговорим об условиях.

– Об условиях? – переспросил Ясон.

– Разумеется! – воскликнул царь. – Не думаешь же ты, что мы отдадим эту великую реликвию без всяких условий! Впрочем, они не очень трудные, и, если ты действительно тот, за кого себя выдаешь, ты с ними легко справишься.

– И что от меня требуется?

– Сушие пустяки. Итак, ты должен запрячь в мой железный плуг двух быков, которые пасутся за городом. Затем ты должен вспахать на них поле, посвященное Аресу и засеять его.

– Условия действительно не очень трудные, – согласился Ясон, – и хотя я больше привык укрощать коней, а не быков, обращаться с копьем, а не плугом, думаю, все будет исполнено по твоему желанию.

На этом они расстались.

У Ээта была дочь по имени Медея – великая искусница во всякого рода колдовстве и магии. В то время, когда отважный Ясон разговаривал с царем, она тихонько наблюдала за ними и сразу полюбила незнакомца всем сердцем. Медея слышала, какие условия поставил Ээт своему гостю, и сердце ее сжалось от страшных предчувствий. Она-то знала, что на самом деле задумал отец! Не успел Ясон вернуться на корабль, как к нему прибыл вестник и тихонько позвал его в храм богини Гекаты. Прекрасная Медея уже была там.

– Несчастный юноша, – сказала она, – ты сам не знаешь, на что согласился! Послушай моего совета: уплывай из нашего города еще до рассвета. Возможно, тебе удастся уйти отсюда живым!

– То что ты советуешь мне, совершенно невозможно, – возразил Ясон, – и причин для бегства нет никаких. Мне велели запрячь быков...

– Да-да, – подхватила Медея, – двух огнедышащих медноногих быков, сотворенных Гефестом, могучих, свирепых и неукротимых как львы. Сладить с ними не под силу всем твоим друзьям вместе взятым, а тебе придется бороться с ними в одиночку. Но, допустим, ты справишься с первым заданием. Известно тебе, что будет потом?

– Я вспашу поле Ареса и засею его зерном, – сказал Ясон.

– Не зерном, бедный юноша, – отвечала Медея, – не зерном, а зубами дракона. И знаешь, что из них вырастет? Из земли поднимутся тысячи воинов, они набросятся на тебя и разорвут на куски. А после этого мой отец нападет на корабль и перебьет всех твоих спутников. Вот, что ожидает тебя, прекрасный чужестранец, если я не помогу тебе.

– Что ж, – вздохнул Ясон, – раз приходится выбирать между смертью и позором, я избираю первое. Без руна в Грецию я не вернусь.

– Тогда слушай меня, – быстро заговорила Медея. – Я обещаю, что помогу тебе исполнить поручения отца и добыть руно. А ты обещаешь забрать меня из этой страны, жениться на мне и до самой смерти быть мне верным мужем?

– Вот моя рука, – сказал Ясон, – я исполню все, что ты пожелаешь. Клянусь богами Олимпа и всем, что свято на этом свете: ты будешь моей женой и только смерть сможет нас разлучить.

– Тогда слушай, бесстрашный чужестранец, в чем будет заключаться моя помощь. Я дам тебе волшебную мазь. Всякий, кто натирается этой мазью, становится неуязвимым для меди и огня и на один день делается непобедимым. Сегодня ночью омойся в реке, надень черные одежды, вырой глубокую яму на берегу и над ней принеси в жертву Гекате черную овцу, облив ее медом. Потом иди на корабль, но смотри – не оборачивайся! Ты услышишь голоса и ярост-

ный лай собак, но иди прямо и не бойся. Когда наступит утро, намажь свое тело, копье, щит и меч этой мазью. Она даст тебе неодолимую силу, и ты исполнишь поручение царя. Запомни также: когда вырастут из земли воины, брось в них камень, и они начнут сражаться друг с другом. Только тогда нападай на них.

Ночью Ясон тщательно исполнил все, о чем говорила ему Медея, а утром натер свое тело, доспехи и оружие мазью. В тот же момент он обрел страшную нечеловеческую силу. Прикрывшись щитом, Ясон отправился на поле Ареса, где уже ждал его Ээт, изловил быков, которые с неистовым ревом опалили его жгучим пламенем, и запряг их в плуг. Все утро он пахал, а после полудня разбросал на пашне зубы дракона. Семена немедленно дали всходы: сначала выступили острия копий, потом земля зашевелилась, и из нее показались головы воинов. Не успел Ясон опомниться как оказался один перед целым войском в блестящих доспехах. С громким криком двинулось оно против отважного смельчака, однако Ясон успел поднять и бросить в глубину рядов огромный камень. Тотчас воины схватились за оружие и начали между собой жестокий бой. К вечеру все они погибли, а тех немногих, что уцелели в междоусобии, сразил мечом сам Ясон. На закате он оглядел поле и увидел, что все оно, словно срезанными колосями, покрыто трупами врагов. Тогда он подошел к Ээту и сказал:

– Я исполнил, что ты назначил. Золотое руно мое.

– Пойди и возьми его, если сможешь, – с усмешкой ответил царь. Он думал, что Ясону, не смотря на всю его необычайную силу, никогда не справиться с огромным драконом. Но на помощь аргонавтам опять пришла Медея. С помощью колдовских чар и заклинаний она наслала на стража глубокий сон. Ясон снял с дуба золотое руно, поспешно вернулся на корабль, и той же ночью отважные путешественники покинули негостеприимную Колхиду. Их обратное путешествие также оказалось очень непростым и было заполнено разнообразными приключениями.

3. Мечь

Наконец они добрались до Иолка.

Увы, их ожидали здесь печальные новости. Неподалеку от города "Арго" встретил одинокую лодку, хозяин которой сказал Ясону: "Не знаю, удачным или нет было твоего плавание, в любом случае оно оказалось слишком долгим. Когда прошли все возможные сроки вашего возвращения, Пелий с радостью объявил всем, что ты погиб. Вслед затем он решил разделаться с твоими родителями. Увидев, что конец неизбежен, Эсон попросил позволения покончить жизнь самоубийством и во время жертвоприношения бесстрашно отравился. Полимеда прокляла Пелия и повесилась. После них остался маленький сын Промех, но Пелий велел умертвить и его. Все в городе осуждают жестокость царя, но никто не решается выступить против него. Воистину, нам остается уповать лишь на карающую руку богию!"

Тяжело и страшно узнать о смерти родителей! Несчастный Ясон ушел от товарищей и долго сидел в безмолвии на берегу моря. Наконец Медея разыскала его, взяла за руку и сказала: "Бедный юноша, я не могу воскресить твоего отца и твою мать, но я могу отомстить за них! Поверь – никто не сможет сделать этого лучше меня! Нет, мы не будем ждать суда богов. Мы сами воздадим Пелию за его злодеяния!"

Мечь – слабое утешение в горе, но Ясон был благодарен прекрасной Медее за поддержку и вновь согласился воспользоваться ее помощью. На другой день Медея вместе со своими рабынями въехала в Иолк и поселилась в богатом доме неподалеку от дворца Пелия. Хозяину дома она сказала, что приехала из одной далекой восточной страны и знает толк во врачебном искус-

стве. У этого человека была больная мать. Медея сварила для нее питье, испив которое старая женщина в тот же день излечилась. Вскоре весь город узнал о ее чудодейственных способностях. Одни шли к ней со своими недугами, другие вели к ней больных коней и быков, третьи – желали погадать о своем будущем. Медея никому не отказывала. Она была великая колдунья и легко исполняла любую просьбу. Спустя короткое время дочери Пелия послали за ней, чтобы узнать: может ли она излечить от недугов их старого отца? "Если я помогала простым смертным, то неужели откажу дочерям царя? – отвечала Медея. – Только для чего лечить старое тело, когда можно получить молодое? Стоит вам только пожелать, и я вновь сделаю вашего отца молодым". Дочери Пелия дивились ее словам и не верили, что такое возможно. Тогда Медея велела привести из стада старого барана и предложила девушкам собственными глазами убедиться в силе ее колдовства. С наступлением ночи они вышли в сад. Медея выкопала яму и сложила из дерна небольшой алтарь. Затем она обагрила дно ямы кровью чернорунной овцы, а поверх нее совершила возлияние вином и парным молоком. "Это жертва Гекате, – объяснила она дочерям Пелия, – без помощи богини нельзя приготовить омолаживающее питье". По ее приказу девушки развели огонь и поставили на него котел с водой. Медея распустила волосы и с громкими заклинаниями начала бросать в кипящую воду принесенные с собой травы. В ход шли и другие снадобья: собранная лунной ночью роса, потроха волка, змеиная кожа, печень оленя, песок с берегов океана и им подобные. Наконец волшебное питье было готово и наступило самое необычное. Медея подвела к котлу приготовленного барана, перерезала ему горло и слила всю старую кровь. "Смотрите!" – молвила она своим спутницам и взбрызнула безжизненную тушу только что приготовленным составом. Часть его она влила в пасть и зияющую рану. Рана тотчас затянулась, баран вздохнул и поднялся на ноги, члены его стали уменьшаться, рога исчезли. Прошло немного времени, и изумленные дочери Пелия увидели вместо него молоденького ягненка!

Сделавшись свидетелями такого необычайного чуда, девушки перестали колебаться. Не отказались они от своей затеи даже тогда, когда Медея велела им собственными руками нанести Пелию раны, чтобы выпустить его старую кровь. Они ведь любили отца и очень хотели помочь ему! Только одна из дочерей – Алкестида – отказалась.

– Я не посмею ударить батюшку даже ради его пользы, – сказала она.

– Тогда иди к себе и молчи! – велела ей Медея. Остальным сестрам она раздала острые ножи и они тихо пробрались в опочивальню царя. Пелий крепко спал. По знаку Медеи дочери одновременно вонзили в него свои ножи. От боли смертельно раненный царь проснулся и вскочил на ложе.

– Боже! – вскричал он, – милый доченьки! Что заставило вас это сделать?

– Твои злодеяния! – отвечала ему с громким хохотом Медея. – Помнишь Эсона, своего брата, которого ты заставил отравиться? Помнишь его повесившуюся жену? Помнишь их сына? Невинная кровь вопиет об отмщении! Отправляйся в Аид и там держи ответ за свои преступления!

И Медея выбежала вон. А во дворце между тем началась суматоха. На шум сбежались слуги и придворные. И у каждого, кто входил в царскую спальню, вырывался крик ужаса. Да и как иначе? – Царь мертвый лежал на залитом кровью ложе, а дочери-убийцы с окровавленными руками рыдали над его телом...

4. Разрыв

Так поплатился Пелий за свою жестокость. Власть после него унаследовал молодой и любимый народом сын Акаст. Он встретил возвратившегося Ясона очень холодно и велел немедленно оставить Иолк. Аргонавты отвезли золотое руно на родину Фрикса в Орхомен и повесили его в храме Зевса. Потом они в последний раз взошли на борт корабля, добрались до Истма, вытащили "Арго" на берег и торжественно посвятили его Посейдону. На этом плавание

закончилось. Герои разъехались по своим домам. Ясон и Медея остались одни. Ни он, ни она не могли вернуться на родину, поэтому поселились в городе Коринфе. Правивший там царь Креонт принял их очень радушно и подарил один из своих дворцов.

Много лет прожили Ясон и Медея в любви и согласии. За эти годы у них родилось двое сыновей. Но постепенно Ясон стал охладевать к своей жене. Он увлекся юной дочерью Креонта Главкой, брак с которой, к тому же, сулил большие выгоды, поскольку ее муж должен был унаследовать царскую власть над Коринфом. Старый царь, очень любивший Ясона, благосклонно отнесся к его намерениям. Оставалось только удалить из города Медею. Ясон сам попросил ее уехать. Не трудно представить себе боль и отчаяние Медеи, узнавшей вдруг об измене мужа и о том, что назначен уже срок новой свадьбы! Несколько дней она не пила и не ела, сидела бездушная как камень, не слыша слов утешения. Как мог Ясон, ради которого она бросила родину и отца, так поступить с ней? Разве не клялся он ей в вечной любви, и разве она не пожертвовала ради него всем? И вот теперь ее выгоняют, словно жалкую приживалку! Постепенно жестокая обида вытеснила из ее сердца все остальные чувства, и только одно желание осталось в нем – отомстить.

Медея решила покарать разлучницу Главку и ее отца. Но более всех хотела она наказать неблагодарного Ясона. О, для него Медея придумала самый утонченный план мести! Однако прежде следовало позаботиться о безопасном убежище. Медея сделала вид, что смирилась с изгнанием и стала искать себе покровителя. Как раз в это время через Коринф проезжал афинский царь Эгей. Он согласился взять ее под свою защиту и дать приют у себя на родине. Решение жены уехать обрадовало Ясона. Уж он-то лучше других знал ее мрачную и мстительную натуру! Однако даже Ясон не представлял, насколько страшна может быть ее ненависть. Собравшись в дорогу, Медея отправила Главке драгоценную одежду и золотой венец. Царевна примерила их, стала вертеться перед зеркалом, но вдруг почувствовала жестокую боль – это начал действовать страшный яд, которым были смазаны подаренные вещи. Видя муки дочери, царь Креонт поспешил к ней на помощь. Но едва он коснулся дареной одежды, та прилипла к его рукам. Яд проник в поры его кожи, и оба погибли на глазах у многих придворных.

А в это время Медея в своем дворце приводила в исполнение вторую часть ее ужасного плана. Она велела учителю привести маленьких сыновей – якобы для того, чтобы проститься с ними перед отъездом – и обоих заколола мечом. Когда несчастный Ясон, только что узнавший о смерти невесты и ее отца, прибежал к своему дворцу, он увидел Медею, поднимающуюся в воздух на колеснице, запряженной двумя драконами. У ее ног лежали мертвые сыновья. "Ясон, – запомни меня такой, какой видишь сейчас, – крикнула она мужу, – ибо больше мы никогда не увидимся. Раньше я любила тебя и помогла совершить величайший из подвигов. Но теперь я ненавижу тебя так неистово, что даже не хочу убивать. Всем, что ты имел в этой жизни, ты обязан мне. Однако ты не ценил этого, и не дорожил своим счастьем. Попробуй теперь быть счастливым без меня!" С этими словами она исчезла.

Слова Медеи оказались пророческими. Ясон прожил еще много лет, но вся его дальнейшая жизнь была тусклой и безрадостной. В ней не было ни ярких событий, ни подвигов, ни семейного счастья. То там, то здесь он затевал какие-то дела, но никогда не имел сил довести их до конца. Он сватался к разным женщинам, однако ни один из его браков не сложился. А самое главное, у него больше не было детей! Постепенно старея, переезжал он из одного города в другой, но так и не смог найти себе пристанища. И вот уже глубоким стариком Ясон оказался на Истме, в том месте, где лежал посвященный Посейдону "Арго". Ах, как жестоко обошлось с ним время! Корпус истлел, в нем зияли огромные дыры, мачта рухнула, палуба прогнила и

осела. Гордый красавец, которому прежде были не страшны морские чудовища и удары стихии, походил теперь на старое разворошенное гнездо. "Вот мы и встретились с тобой, мой верный друг, – печально сказал Ясон, – ты и я – обломки великого прошлого, до которых теперь никому нету дела". Он присел под высокой кормой корабля и погрузился в воспоминания. События минувшей жизни пронеслись перед его глазами. Он увидел себя – молодого и отважного, гордого своей победой, увидел своих верных товарищей, дружно налегающих на весла, наконец, он увидел ЕЕ – роковую женщину своей жизни – прекрасную и влюбленную в него, готовую следовать за своим избранником хоть на край света. "Ах, Медея, – вздохнул Ясон, – если бы можно было все повторить!" Незаметно для себя старик заснул и не слышал, как быстро освежевший ветер с громким скрипом стал раскачивать остов корабля. Один из его порывов сокрушил ветхую корму, которая рухнула на Ясона и погребла его под своими обломками. Он так и умер во сне, вновь переживая события безвозвратно ушедшей юности. Наверно, на это была воля богов.

Глава III. Пилос и Коринф

Меламп и Биант

1. Пилос

Из мифов мы узнаем, что первыми жителями в Мессении были лелеги. Затем сюда переселились эолийцы, во главе которых стоял сын Эола Перьер. С согласия местных жителей он сделался царем. Когда страной правил его сын Афарей, в Мессению бежал Нелей, изгнанный из Иолка своим братом Пелием. Нелей приходился родственником Афарею и тот передал под его власть приморскую часть своей земли. Его столицей стал Пилос, в то время небольшой городок, превратившийся к концу жизни Нелея в центр могущественного и прославленного царства.

Уже в наше время этот город был раскопан и тщательно изучен археологами. Они установили, что древний Пилос располагался среди холмов, поросших лиственными деревьями. Первые здания были возведены здесь во второй половине XVI в. до Р.Х. Уже тогда возвышенная часть города – акрополь – была густо населена и не могла вместить всех обитателей. В конце XIV в. до Р.Х. все частные дома на акрополе снесли, и на их месте был построен двухэтажный царский дворец. Ученым удалось восстановить его планировку. Через входные ворота путник попадал в окруженный колоннадой двор. Отсюда, миновав вестибюль, можно было пройти в прихожую, а затем в главный дворцовый зал площадью около 150 кв. м. Стены его были украшены богатыми фресками, а посередине размещался очаг. К этому залу примыкали различные хозяйственные и жилые помещения, причем общее число комнат достигало 40. Обитатели дворца любили уют. На вершину холма по деревянному акведуку от источника Рувелли подводилась вода. От основного водовода отходило несколько боковых труб, подававших воду в различные помещения. Вода использовалась в том числе для купания. Археологи нашли ванную комнату с изящной терракотовой ванной (она поднималась за специальные ручки и ставилась в углубление бассейна). Горячую воду сюда приносили в особых сосудах. Непосредственно перед купанием ее смешивали с холодной, а использованные воды отводились в подземный водосток. Археологи установили, что старый дворец два раза горел, но каждый раз восстанавливался. В XIII в. до Р.Х. он играл только подсобную роль, поскольку жилище царя находилось тогда в другом, по-видимому, более обширном дворце.

Об истории пилосских царей этого времени мы знаем немного. Сообщают, что Нелей женился на Хлориде, дочери Амфиона, которая родила ему 12 сыновей и дочь Перо. Однако самые известные мифы мессенского цикла повествуют не о царской семье, а о племянниках Нелея – братьях Мелампе и Бианте, сыновьях его сводного брата Амитаона.

2. Любовь Бианта

Многие хотели бы сделаться царями, но удается это далеко не всем! Если твой отец никогда не носил короны и не восседал, верша дела, на троне, считай, надежды твои почти несбыточны. Между тем, иметь под своей властью пусть небольшое, но собственное царство, бывает иногда совсем не лишним, особенно если ты мечтаешь жениться на царевне!

Юный Биант понял это после того, как влюбился в свою двоюродную сестру Перо. Она была славная девушка и тоже любила Бианта. Но ее отец – пилосский царь Нелей, – а также двенадцать ее гордых братьев даже слышать не хотели об их свадьбе. Всем ведь было известно, что отец Бианта Амидаон человек бедный и живет во дворце своего сводного брата почти что из милости.

От несчастной любви Биант перестал есть, пить и в конце концов так ослаб, что слег в постель. Бедный Биант! Очевидно, только смерть могла избавить его от мук! Все близкие горячо ему сочувствовали, но что они могли поделать?

Когда несчастному стало совсем худо, его брат Меламп отправился к Нелею и постарался смягчить его сердце. «Биант умрет, если не подать ему хоть малую надежду», – сказал он. В ответ Нелей только развел руками. В общем-то он был человек не жестокий и совсем не желал племяннику зла, но потакать ему тоже не собирался.

Меламп тяжело вздохнул. Он хотел уйти, однако царь неожиданно остановил его. «У фессалийского царя Филака, – промолвил он, – есть редкостное сокровище: дюжина великолепных роскошных быков, каждый из которых стоит целого царства! Филак ужасно дорожит своими любимцами и поклялся никому их не продавать. Он так боится потерять их, что сам по ночам спит в коровнике. В дозоре ему помогает огромный, неподступный, никогда не смыкающий глаз пес – настоящее чудовище! Только попробуй сунуться – и он разорвет тебя в клочки! Вот как хорошо охраняют этих быков! Но если тебе удастся заполучить их, я отнесусь к твоему сватовству совсем не так, как относился к нему прежде!» Меламп схватил руку Нелея и горячо поцеловал ее. «Спасибо, дядя, – воскликнул он, – пусть все будет, как ты говоришь! Раз тебе хочется иметь этих быков, они у тебя будут, лишь бы Биант и Перо могли пожениться!

– Договорились! – отвечал Нелей.

3. Чудесный дар

Меламп вернулся домой и рассказал брату о своем разговоре с царем. «Сегодня же отправляюсь в путь, – объявил он, – а ты молись бессмертным богам и жди моего возвращения!» Биант был очень рад. Провожая брата, он пожал ему руку и улыбнулся в первый раз за много дней.

Поскольку стояла осень, и на море установилась непогода, Мелампу пришлось добираться до Фессалии пешком через всю Грецию. А путь этот был совсем не близкий! Однажды Меламп проходил через какую-то деревеньку и заметил ватагу местных мальчишек. С громким криком они швыряли камни в большую пеструю змею, свернувшуюся кольцами у основания каменного жертвенника. Змея отчаянно шипела на детей, раздувала шею и выкидывала далеко вперед свой раздвоенный язык. Это ей, впрочем, не помогло – прежде чем сын Амидаона успел приблизиться, змею снесли голову острым камнем. Дети хотели убить также двух ее маленьких змеят, но Меламп остановил их. «Разве вы не видели, – сердито сказал он, – змеи находились под охраной богини. Хотите навлечь на себя ее гнев?» Озорники бросились врассыпную, а Меламп похоронил убитую змею. Потом он вылил воду из своего кувшина и посадил туда обоих змеенышей. Надо же было отнести их в безопасное место!

Вечером он добрался до живописной дубовой рощи, остановился на ночлег у холодного ручейка, вытащил своих спутников и наполнил кувшин водой. Он думал, что змееныши тотчас скроются в траве. Но те не спешили уползать. Царевич предложил им сладкую лепешку, и они охотно поели прямо с его ладони. А когда сын Амитаона заснул, змееныши заползли к нему на голову и быстро вылизали острыми язычками его уши. Слух Мелампа обрел после этого такую замечательную чуткость, что он стал понимать язык всего живого! Так змеи (а, может быть, и сами боги!) отблагодарили царевича за его доброту.

Утром Меламп проснулся и очень удивился своим чудесным способностям. Отныне он мог слышать и понимать такое, о чем другие люди даже не догадывались. Остановившись возле пруда, он подслушивал болтовню уток, приглашавших друг друга полакомиться водными жуками. Присев возле муравейника, он слышал как подбадривают друг друга трудолюбивые муравьи. В деревнях он знал о чем переругиваются соседские собаки, а оказавшись в лесу, легко мог выведать секреты каждого кустика. Пение птицы, мурлыканье кошки, плеск рыбы, стук дятла и шелест листвы – все обращалось для него в осмысленные слова и фразы.

4. Заключение

Вот как повезло Мелампу! Но, даже обладая таким замечательным даром, он представить не мог, каким образом сможет завладеть быками Филака. Добравшись до Галоса (это была столица Филака), он разыскал царский коровник и глухой ночью тихонечко перелез через забор. Он надеялся, что собака заснула, однако она была настороже и тотчас набросилась на похитителя. Ну и зубы были у нее! Не успел царевич опомниться, как она разорвала на нем всю одежду и отхватила от ноги порядочный кусок мяса. Хорошо, что царь по своему обыкновению спал в коровнике и успел отгасить от несчастного своего пса. Меламп пытался объяснить, для чего он хотел заполучить чудесных быков и как нужны они его брату Бианту, но Филак не стал его слушать. Для него Меламп был обычным вором, таким же как все остальные. «Бросьте этого негодяя в подвал, – приказал он слугам, – и запирайте получше. Будет знать, как покушаться на чужое добро!»

Несчастливого царевича отвели в подземелье, швырнули на пол и захлопнули дверь. Из ран у него сочилась кровь, нога ужасно болела, но Меламп думал не о себе, а о брате. «Как нелепо все вышло! – прошептал он. – Бедняга Биант! Кто теперь тебе поможет?»

Потянулись долгие томительные дни, как две капли воды похожие один на другой. Чтобы развлечь себя Меламп внимательно вслушивался во все окружающие разговоры: кудахтанье кур, писк мышей и ворчание крыс. Вскоре ему открылись все домашние тайны царя. Между прочим он узнал про болезнь его сына Ификла: несколько лет назад мальчик выскочил из дворца в ту минуту, когда отец приносил в жертву барана. Увидев окровавленный нож, он так испугался, что лишился дара речи, и с тех пор не произнес ни слова! Поначалу Меламп не предал этому известию никакого значения, но однажды ему удалось услышать прелюбопытный разговор двух ворон, сидевших напротив его зарешеченного окна. «Несчастный Ификл, – сказала одна из них, – все считают его болезнь неизлечимой. Никто не знает, что лекарство от нее находится у них под носом!» – «Тебе-то откуда это известно?» – удивилась вторая. «В тот день, когда Филак приносил жертву, я как раз находилась рядом. Ификл увидел в руках отца окровавленный нож и закричал от ужаса. Царь поспешно воткнул его в ствол священной груши и побежал к сыну. Нож так и остался в дереве и со временем зарос корой». – «И что же теперь делать?» – спросила вторая ворона, а первая пояснила, что надо вытащить нож, соскрести с него ржавчину, оставшуюся после жертвенной крови, и, размешав ее с водой, давать в течение

десяти дней Ификлу. «Тогда речь к нему вернется, – закончила она, и мальчик будет здоров!» Меламп запомнил каждое произнесенное слово, но никому ничего не сказал.

Вечером того дня, когда исполнился ровно год его заключения, до Мелампа донесся разговор двух червей-древоточцев, сидевшей на уходящей в стену балке прямо у него над головой. Оказалось, что вся эта балка источена внутри и сломается завтра поутру! Тут уж царевич не стал молчать, а принялся кричать во весь голос, требуя, чтобы его перевели в другой подвал: «Я не могу здесь больше оставаться, – твердил он, – завтра обвалится потолок и меня придавит!». Царю сообщили о требованиях узника. Филак как раз пировал с друзьями и был в хорошем расположении духа. «Видать у этого парня от одиночества совсем поехала крыша! – сказал он со смехом, – вот ему и грезятся всякие ужасы». Однако он разрешил перевести Мелампа в другой подвал, а тому только это и было нужно.

5. Успех

На следующий день, как и предупреждал Меламп, балка раскололась и потолок над подвалом обрушился. Филак вспомнил предсказание узника и очень удивился. Он велел привести его к себе и спросил: «Как ты мог знать вчера то, что свершилось только сегодня?» – «Все очень просто, – отвечал Меламп, – я прорицатель и могу предвидеть будущее!». – «Какой же ты прорицатель, – усмехнулся царь, – если угодил в пасть к моему псу?» – «Я знал, – возразил Меламп, – что должен провести в заключении один год. Только такой ценой я мог получить твоих быков». Филак с сомнением покачал головой: «По-моему, ты поступил очень глупо! Не думаю, что за этот год ты приблизился к своей цели. Мои быки останутся со мной, а ты отправишься обратно в подземелье и проведешь там еще много-много лет!» – «Едва ли будет так как ты говоришь, – загадочно промолвил Меламп. – Я все знаю про твоего сына. Знаю, что ты уже давно и безуспешно лечишь его от немоты! А я могу вернуть ему речь! Разумеется, не за просто так. В награду я попрошу твоих замечательных быков».

При этих словах Филак переменялся в лице. Как не дорожил он быками, сына он любил больше, и готов был ради него на любые жертвы. Он охотно обещал отдать Мелампу своих любимцев, в том случае если его лечение окажется успешным. Царевич приступил к врачеванию и сделал все то, о чем говорила ворона. Он нашел священную грушу, извлек из-под коры нож, соскоблил с него ржавчину, приготовил питье и дал пить его мальчику. Через десять дней тот заговорил. Обрадованный царь тотчас отдал Мелампу своих быков, дал ему много других подарков и с почетом проводил до границ своего царства.

Царевич поспешил домой и успел вернуться как раз вовремя. Несчастный Биант был совсем плох. Он ведь уже перестал надеяться! Но, узнав, что затея его брата увенчалась успехом, вскоре выздоровел. Нелей был очень доволен быками и больше не возражал против замужества своей дочери. Прошло немного времени, и в Пилосе сыграли веселую свадьбу. Что касается Мелампа, то о нем с тех пор пошла слава как о замечательном прорицателе и врачевателе. Вскоре его имя стало известно всей Греции.

Сизиф

Город Коринф был расположен на плодородной равнине у подножья Акрокоринфа – высокой отвесной горы, оканчивавшейся острой вершиной. Основателем города считался Сизиф – один из сыновей Эола. Мифы изображают его как самого большого хитреца на земле, жертвами обманов которого становились не только люди, но и сами боги.

Рассказывают, что у речного бога Асопа была красивая дочка по имени Эгина. Сам Зевс пленился ею и, улучив момент, похитил девушку, когда она гуляла неподалеку от родитель-

ского дома. Из Сикионии (эта небольшая область соседствовала с Коринфией) он отправился напрямик к берегу моря, предполагая спрятать пленницу на острове Ойнопии. Никто не знал о случившемся. Одному только Сизифу все было известно. «Смотри! – предупредил его Зевс. – Не вздумай проболтаться. Если будешь держать язык за зубами, я награжу тебя по-царски!». Сизиф пообещал хранить тайну.

Спустя короткое время в Коринф прискакал на колеснице взволнованный Асоп, который хватился дочери и всюду ее разыскивал. «Не может быть, чтобы ты не видел вора! – твердил он. – Скажи мне, куда он отправился, и я дам тебе то, что никто не сможет дать!» Сизиф не знал на что решиться. Оба бога обещали ему подарки, но от Зевса было трудно что-либо потребовать, в то время как Асоп находился в полной его власти. «Идет, – согласился он. – Я недавно построил крепость на вершине Акрокоринфа, но поблизости нет ни одного ручейка. Сделай так, чтоб внутри укреплений постоянно была свежая вода, и ты узнаешь, что тебе нужно».

Асоп отправился на гору и сотворил здесь источник Пирену. Когда его желание исполнилось, Сизиф наклонился к уху Асопа, назвал имя похитителя и указал направление, в котором тот скрылся. Асоп бросился в погоню. Между тем повелитель богов расположился на отдых в роще неподалеку. Он никак не думал, что его обнаружат так скоро! Заметив разгневанного Асопа, Зевс поспешно скрылся в зарослях и превратился в камень. К счастью для него, отец девушки промчался мимо, ничего не заметив, иначе неизвестно, чем все могло кончиться.

Когда разгневанный Зевс возвратился на Олимп, он тотчас отправил в Коринф бога смерти Таната. «Следует примерно наказать негодяя Сизифа за разглашение божественных тайн, – грозно молвил он. – Пусть кончина его в назидание другим, будет жестокой и мучительной. А то не ровен час люди совсем отобьются от рук и перестанут с нами считаться!» Танат опоясался мечом, взял разнообразные орудия пытки, взмахнул огромными черными крыльями, от которых веяло могильным холодом, и полетел в дом Сизифа. Царь как раз отдыхал за столом, уставленным разнообразными яствами. Увидев Смерть он несколько не растерялся и почтительно приветствовал ее. «Садись и закуси с дороги, – любезно предложил он, – небось намаялся, мотаясь по свету!» – «Не заговаривай мне зубы! – грубо отвечал Танат. – Лучше засунь свои ноги в колодки, чтобы я мог переломать тебе все кости!» – «Всегда готов услужить! – с готовностью согласился Сизиф. – Только покажи мне что и как делать». Танат с ворчанием засунул ноги в оковы. Он-то думал, что царь в самом деле не знает что к чему, но Сизиф в тот же миг замкнул колодки, и Смерть оказалась в ловушке. «Придется тебе погостить у меня! – с усмешкой промолвил сын Эола. – Надеюсь, ты не соскучишься!

Зевс с нетерпением ожидал донесения о кончине Сизифа. Однако вместо этого со всех концов света стали поступать известия о неслыханных чудесах. Смерть пропала неведомо куда, и никто из людей не мог умереть. Даже казненные, те кому отрубили голову, продолжали спокойно разгуливать по городу. На полях сражений вообще творились невообразимые вещи. Воины изо всех сил рубились мечами и пускали друг в друга стрелы, но при этом все оставались живы. Наконец бог войны Арес напал на след Таната, явился во дворец Сизифа и освободил того из заключения. Смерть исторгла душу из тела хитрого царя и спустилась с ней в подземное царство. Но и на этот раз Сизиф не растерялся. Еще прежде он велел своей жене Меропе оставить его тело без погребения и не совершать по нему никаких похоронных обрядов. Аид негодовал на Меропу. Сизиф также прикинулся возмущенным. Он явился во дворец владыки мертвых и попросил: «Позволь мне навестить в верхней мир. Я сам позабочусь о своем погребении и принесу тебе богатые жертвы!» Аид поверил хитрецу и разрешил на короткий срок отлучиться в Коринф.

Оказавшись дома, Сизиф и думать забыл о своем обещании. Пирь сменялись в его дворце веселыми праздниками, и так продолжалось не один день. «Да этот смертный просто издевается над нами! – возмутился наконец Зевс. – Кем он себя возомнил? Неужели он думает, что на него не найдется управы?» И он отправил в Коринфию своего сына Гермеса. Сизиф пытался обмануть и его, но на этот раз ему пришлось иметь дело с таким же хитрецом, как он сам. Все его увертки оказались бесполезны. Пришлось возвращаться на тот свет. В наказание за ложь Аид придумал для него особенное наказание: день и ночь Сизиф старается вкатить в гору огромный камень, однако вблизи вершины тот вырывается из рук и вновь скатывается вниз. Приходится все начинать сначала. Сделано это в назидание всем людям. Пример Сизифа должен показать им – сколько не старайся лукавить, все равно все будет так, как предназначали бессмертные боги.

Глава IV. Аргоида

Ио

По свидетельству мифов, в первое время после потопа населявшие Аргоида пеласги жили разобщено. Основателем государства здесь стал Фороней – сын речного бога Инаха. Он построил город Аргос, собрал в него жителей, дал им законы и вообще положил начало общественной жизни. Его потомки правили затем в Аргоеде на протяжении нескольких поколений.

Помимо Фороней у Инаха была еще и дочка – прекрасная Ио. Весело и беззаботно жила она во дворце своего отца, до тех пор, пока однажды ее не заметил и не полюбил повелитель богов Зевс. Вот тогда бедняжке пришлось натерпеться страха! Хотя поначалу ничего не предвещало беды. Зевс стремглав спустился с Олимпа, превратился в красивого юношу и завел с Ио беседу. Девушка сперва смущалась незнакомца, однако потом, раззадоренная его шутками, стала отвечать ему в том же духе и звонко смеяться. С каждой минутой их отношения делались все душевнее. Но тут произошло непредвиденное. Гере зачем-то понадобился ее муж. Она оглядела с вершины Олимпа всю Грецию, но нигде не увидела Зевса. "Странно!", – сказала она себе и стала смотреть внимательнее. Греция немаленькая страна. А сколько в ней ущелий, горных долин и прочих укромных местечек! Даже богиня не может заглянуть сразу во все. Вскоре Гера обратила внимание на большое облако, которое, не смотря на ветер, неподвижно висело над Аргосом. Это показалось ей подозрительным, и она отправилось взглянуть на него поближе. Еще мгновение – и она бы заметила Ио! Спросите, что здесь такого? Но Зевс был на этот счет другого мнения. Гера вообще не жаловала хорошеньких женщин, но особенно не нравились ей те, которые нравились ее мужу. Она была ужас как ревнива! Что же делать? Не долго думая, Зевс обратил Ио в прекрасную белоснежную корову, а сам прикинулся юным пастушком. Однако жену он не мог обмануть – она узнавала его в любом обличье. Поздоровавшись, они затеяли ничего не значащий разговор о каких-то неважных вещах, какие часто ведут между собой супруги. Гера, конечно, не призналась мужу, что искала его, а Зевс не подал виду, что хотел от нее укрыться, но каждый заметил неискренность другого. Напоследок, Гера хмуро посмотрела на корову-Ио и сказала:

– Прекрасная телка! Можешь подарить ее мне?

– Конечно, – отвечал Зевс, – бери, если тебе нравится.

Некоторые скажут, что он отдал то, что ему не принадлежало. Но с другой стороны, будучи владыкой всего мира, разве мог он отказать в такой мелочи своей сестре и жене?

Завладев соперницей, Гера отдала ее под охрану стоглазому великану Аргусу, знаменитому тем, что он никогда не спал. Это был грубый, неотесанный мужлан, который постоянно

кричал и ругался. Можно вообразить каково было в его обществе несчастной Ио, да еще в образе коровы! Она ведь даже пожаловаться никому не могла и только жалобно мычала. Впрочем, Зевс не забыл о ней и вскоре отправил на выручку Ио своего сына Гермеса. Этот бог хоть и слыл за великого плута и пройдоху оказался в затруднительном положении – подойти незаметно к Аргусу и что-нибудь стащить у него из-под носа представлялось совершенно невозможным. Но хитрец нашел ловкий выход – он уселся неподалеку и принялся насвистывать на флейте разные мелодийки. Начав с веселых и разухабистых, он перешел к нежным и протяжным, а под конец так убаюкал великана, что тот заснул первый раз в жизни. Гермес потихоньку увел от него Ио, но расколдовать ее не успел, так как Гера обнаружила пропажу и послала вслед беглянке огромного овода. Ну и жало было у него! От мучительных укусов рассудок Ио совершенно помутился. Как безумная бросилась она бежать сначала на север, а потом на юг. Она побывала в стране скифов и на Кавказе, в Малой Азии и Индии, в Аравии и Эфиопии. Наконец, после долгих скитаний, Ио добралась до Египта. Только там, на берегах Нила, вдали от Геры, Зевс смог освободить ее от чар и вернул бедняжке человеческий облик.

Данай и Данаиды

Сделавшись женой Зевса, Ио родила ему сына Эпафа. Внуком этого Эпафа был Бел, царствовавший в Хеммисе – небольшой области на юге Египта. У него было двое сыновей-близнецов, одного из которых звали Эгипт, а другого – Данай. Каждый из них правил в своем царстве, но у Эгипта от разных жен было пятьдесят могучих сыновей, а у Даная – пятьдесят прекрасных дочерей. Первых называли по их отцу сыновьями Эгипта, а вторых – Данаидами. Когда дети подросли, сыновья Эгипта стали свататься за своих двоюродных сестер, но Данай наотрез отказал им. Из-за этого возникла великая вражда. Сыновья Эгипта пошли войной на своего дядю, разбили его войско и вынудили бежать. Куда мог податься после этого Данай со своими дочерьми? К счастью, они вспомнили о своей прародине Арголиде, откуда в свое время пришла в Египет гонимая Герой Ио. Под руководством отца Данаиды построили большой пятидесятивесельный корабль и бесстрашно переплыли на нем море.

В то время в Аргосе царствовал Геланор – прямой потомок Форонея. Он слышал о несчастье, постигшем Даная, и готов был оказать ему помощь, но тот отказался ее принять. "Мы не просители, – заявил он гордо, – я явился в свою страну как ее законный государь требовать власти, которая принадлежит мне по праву". В его словах содержалась доля истины, ведь Данай был прямым потомком Зевса и принадлежал к более знатному и знаменитому роду, чем Геланор. Окончательное решение должен был вынести собравшийся народ. Оба претендента по очереди выступали перед ним. И с той и с другой стороны было приведено много доказательств и казалось, что Геланор говорит также убедительно, как его противник. Как тут поступить? Жители Арголиды отложили решение до следующего дня. Никто не знал на чью сторону склонится большинство. Однако утром произошло событие, изменившее настроение умов в пользу Даная: на стадо, пасшееся перед стенами города, напал волк. Он оставил без внимания коров и слабых телят, но накинулся на могучего быка – вожака стада и вступил с ним в борьбу. И вот у аргивян явилась мысль, что Геланор подобен быку, а Данай – волку: также как этот зверь, не живущий вместе с людьми, он не жил прежде со своими согражданами. И поскольку волк победил быка, то власть над городом была вручена Даная.

Не успел Данай утвердиться на престоле, как в Арголиде высадилось войско сыновей Эгипта. Война возобновилась. Пришельцы окружили Аргос и долгое время держали его в осаде. А так как внутри укреплений не оказалось ни источников воды, ни колодцев, Данай в конце концов должен был вступить с племянниками в переговоры. Условия победителей остались те же, что и прежде: они хотели жениться на своих двоюродных сестрах! Однако Данай и его дочери были замешаны из того же теста – чего-чего, а упорства им было не занимать. Для

вида Данаиды согласились вступить в брак с сыновьями Эгипта, но в душе возненавидели их пуще прежнего.

До поры до времени никто не догадывался об их чувствах. Ворота открылись, чужеземцев пустили в город. Народ радовался окончанию войны, и повсюду шли приготовления к общей свадьбе. Ночью накануне свадебного пира Данай собрал своих дочерей и сказал: "Доченьки! Нет нужды напоминать, сколько мы вынесли из-за наглости сыновей Эгипта. По их вине мы теряем уже второе царство, и боюсь, что третьего нам не найти. То, что вы должны сделать, многие осудят, но иного выбора нет, ибо никто не поможет вашему горю, кроме вас самих! Пообещайте мне, что вы будете тверды". Девушки одна за другой подходили к отцу, приносили клятву, и каждая получала от Даная большую острую булавку, которую прятала в своей прическе.

На другой день весь город гулял на свадьбе Данаид и сыновей Эгипта. Поглазеть на нее собралась люди со всего Пелопоннеса. Еще бы! Не каждый день можно увидеть как пятьдесят царевичей женятся на пятидесяти царевнах. Было много танцев и песен, игр и торжественных речей. Данаиды улыбались своим избранникам и казались воплощением мягкой женственности. Но когда пришла ночь, и молодожены разошлись по своим опочивальням, они отбросили свое притворство. Распуская волосы, каждая из девушек извлекла данную отцом булавку и вонзила ее в сердце своему мужу. Сорок девять Данаид бестрепетно исполнили свою клятву. Только юная Гипермнестра, которой очень полюбился ее супруг Линкей, не смогла покуситься на его жизнь. С ее помощью юноше удалось выбраться из дворца, а потом бежать из города. Сама Гипермнестра не последовала за ним, хотя знала, что ее ждет суровое наказание.

В полночь Данаиды сошлись на берегу Лерны. Сорок девять из них принесли головы своих мужей. Одна Гипермнестра пришла с пустыми руками. Когда Данай услышал о ее воле, он пришел в неистовый гнев.

– Дрянная ослушница! – закричал он. – Своим поступком ты бросила вызов всем нам! Теперь повсюду будут твердить о нашей жестокости, а твоих сестер назовут убийцами! Ты этого хотела?

– Нет, батюшка! – пролепетала Гипермнестра, – я даже не думала об этом. Просто я полюбила Линкея.

Вот так оправдание! Ничего хуже нельзя было сказать. Выходит, что она пожалела врага, а о своих ближних даже не подумала! Сестры были возмущены не менее Даная. Несчастную заковали в тяжелые цепи и бросили в темный подвал. Утром решение ее судьбы отдали на суд старцев Аргоса. Самыми гневными обвинителями были отец Гипермнестры и ее сестры. Сколько упреков и нареканий пришлось выслушать бедняжке! Ее корили даже тем, что в детстве, она не любила общих игр, предпочитая им одиночество. Судьи угрюмо покачивали головами и уже готовы были приговорить Гипермнестру к смерти, но тут перед ними появился Линкей. Отважный юноша решил вернуться, чтобы вступить за ту, которая спасла ему жизнь.

– Господа аргивяне, – сказал он, – вас вводят в заблуждение! Вы хотите осудить эту девушку за то, что она ослушалась воли отца. Но пока Гипермнестра находилась в доме Даная она всегда исполняла долг верной дочери. А когда она вышла замуж, ее долг состоял в том, чтобы заботиться о здоровье и благополучии мужа. И она свято его исполнила! За что же ее осуждать?

– И правда, – стали говорить друг другу старцы. – Сын Эгипта рассуждает здраво. После свадьбы воля мужа для женщины важнее воли отца!

Таким образом, Гипермнестра была оправдана. За ее доброту боги даровали ей долгую и счастливую семейную жизнь с любимым человеком. Совсем иная судьба была у ее сестер. Они очень долго не могли выйти замуж. И это понятно – кому хотелось жениться на мужеубийцах! Чтобы пристроить дочерей Данаю пришлось прибегнуть к следующему необычному средству. Он организовал состязания в беге, пообещав победителям богатые подарки. Но каждый участник должен был кроме приза взять себе в жены одну из его дочерей – какая кому приглянется. Только так и смогли Данаиды вступить в брак! Одна была взята в придачу к породистой лошади, другая – к золотому кубку, третья – к искусно сделанному оружию, и так все.

Вслед за другими переехали в Аргос и женились на дочерях Даная сыновья Ахея – Архандр и Архител. Вместе с этими царевичами в Аргос переселилось много их соплеменников-греков, которые называли себя ахейцами. Позже это наименование перешло на других жителей Аргolidы, бывших по происхождению пеласгами. Впрочем, оно не являлось единственным. Часто по имени Даная аргосцев звали данайцами, а иногда по-старинному – аргивянами.

Акрисий и Прет

Царевич Линкей остался жить в Аргосе и после смерти Даная сделался здесь царем. Потом престол перешел к его сыну Абанту. Он также царствовал долго и счастливо. Когда пришла пора ему умирать, Абант позвал двух своих сыновей – Акрисия с Претом – и сказал им: "Дети! Вы родились в один день от одной матери; всю жизнь учились и воспитывались вместе. Завещаю вам свое царство, управляйте им по очереди и не ссорьтесь". Сыновья обещали хранить завет отца, но не долго держали свое слово. В установленный срок Акрисий отказался уступить Прету престол и прогнал его вон из страны. Такое, увы, часто случается даже между родными братьями! Прет отправился в Малую Азию к другу их отца ликийскому царю Иобату. Тот принял его хорошо и вскоре выдал за Прета свою дочь Сфенебею. Спустя некоторое время Иобат сказал зятю:

– Не хорошо, что Акрисий владеет Аргосом один. Ты тоже имеешь право на долю в царстве вашего отца.

– Дай мне войско, и я отвоюю то, что мне причитается, – пообещал Прет.

Иобат согласился. Прет вторгся в Аргolidу во главе ликийского войска и стал жестоко опустошать ее. Акрисий несколько раз сражался с ним, но исход битвы оставался неясным. Наконец братья устали от войны и вступили в переговоры. "Если у нас не получается править совместно, то следует разделить страну на две части, – заявил Прет, – уступи мне половину царства!" Акрисию очень не хотелось делиться с братом, но делать нечего. После долгих споров и пререканий сыновья Абанта договорились, что под властью Акрисия останется Аргос с прилегающими землями, а Прету отойдут города Тиринф, Гирея и Мидия. В Аргolidе установился мир.

Беллерофонт

После смерти Сизифа царем в Коринфе стал его сын Главк. Он имел прекрасных лошадей и был знаменит тем, что выиграл много скачек на колесницах. Но однажды его кони поели ядовитой травы и взбесились. Разбив колесницу Главка, они утащили его, запутавшегося в упряжи, со стадиона и съели живьем. Власть перешла к его брату Орнитиону, так сын Главка, Беллерофонт, обвиненный в убийстве одного из сограждан, еще при жизни отца бежал из Коринфа. Он нашел убежище в Аргolidе у Прета – царя Тиринфа.

Прет принял Беллерофонта очень сердечно. Он ведь сам провел несколько лет в изгнании и знал как несладко живется на чужбине. Царевич был приятный молодой человек – честный, прямой, скромный и отважный. Прет подружился с ним и уговорил поселиться в своем дворце.

Если бы он знал, чем это кончиться, никогда бы так не поступил! Его молодая жена Сфенебея полюбила Беллерофонта и стала выказывать ему недвусмысленные знаки внимания. А когда он с негодованием отверг ее любовь, она оскорбилась и вспылала к нему жгучей ненавистью.

– Царь, – сказала она однажды мужу, – как ты ошибся в Беллерофонте! Ты считаешь его своим лучшим другом, а он втайне от тебя добивается моей любви!

Мы-то знаем, что все было как раз наоборот, но Прет об этом не догадывался и сильно огорчился.

– Что же мне делать? – спросил он.

– Убей его! – с негодованием потребовала Сфенебея. – А то он и царство твое приберет к рукам!

– Я сам пригласил его в свой дом, – возразил царь. – Теперь он мой гость, а все гости, даже если они на проверку оказываются плохими, вероломными людьми, находятся под защитой богов! Или ты хочешь навлечь на нас гнев эриний?

– Тогда отправь его с каким-нибудь поручением к моему отцу в Ликию, – предложила Сфенебея. – Пусть его казнит мой отец!

Прет решил последовать совету жены. Он напустил на себя озабоченный вид, перестал смеяться и шутить, а когда Беллерофонт стал допытываться, о причинах его печали, отвечал:

– У меня есть важное письмо к моему тестю Иобату, но нет верного человека, который мог бы отвезти его в Ликию. Любой из моих слуг может оказаться шпионом моего брата Акрисия!

– Я могу быть твоим посланцем! – сказал Беллерофонт.

Царь на это и рассчитывал! В тот же день втайне от всех Прет нацарапал на складной покрытой воском дощечке следующие строки: «Дорогой тесть! Податель этого письма – подлец и вероломный негодяй! Я принял его как друга, а он пытался обесчестить мою жену, твою дочь! Казни его немедленно, как только прочтешь письмо!» Окончив писать, Прет сложил дощечки и запечатал их своей печатью. «Это очень важное письмо, друг, – сказал он на другой день, вручая дощечки Беллерофонту. – Смотри, никому его не показывай!»

Царевич отправился в путь и в положенный срок прибыл в Ликию. Иобат принял его с искренним радушием. Девять дней они провели в пирах, развлечениях и приятных беседах. За эти дни царь успел привязаться к гостю, а его дочь Филоноя полюбила Беллерофонта всем сердцем. И не стоит этому удивляться! Поскольку царевич был красивый, благородный и мужественный человек, все невольно чувствовали к нему симпатию. Беллерофонт также увлекся дочерью Иобата, девушкой очень достойной и привлекательной.

По завершению праздников Беллерофонт вручил Иобату письмо Прета. Ну и удивился тот, прочитав его! «Как обманчива внешность! – сказал себе царь. – Никогда бы не подумал, что царевич такой скверный человек. Надеюсь, мой зять знает, о чем он пишет. Но что же мне теперь делать? Если я прикажу казнить Беллерофонта, после всего, что между нами было, то прослышу за кровожадного варвара, да и боги, пожалуй, этого не одобряют». И он продолжал играть роль радушного хозяина.

Беллерофонт долго гостил у ликийского царя и наконец посватался к его дочери.

– Мне теперь не до свадьбы, – отвечал Иобат. – Знаешь, какие у меня соседи? К востоку от моих владений живут разбойники-солимы и воинственные амазонки. С ними держи ухо востро! Чуть зазеваешься – и останешься без царства: все разграбят и растащат! Еще хуже мой северный сосед – царь Карики. Вот уж воистину, человек без чести и совести! Он вредит мне всем, чем только может, а недавно натравил на мои владения ужасную Химеру. Эта гадина

нападает на наши деревни, сжигает дома и пожирает людей. Совсем сладу с ней не стало. Хоть отрекайся от престола и беги куда глаза глядят!

– Отец моей любимой женщины не должен терпеть никаких обид! – твердо промолвил Беллерофонт. – Позволь мне сразиться с чудовищем. Я или убью Химеру, или вовсе к тебе не вернусь!

Иобат подумал: «Если этот бесчестный коринфянин сгинет в схватке с Химерой, все будет так, как хочет мой зять, а я останусь ни при чем!» И он охотно согласился.

Когда Беллерофонт поведал Филоное о своем сватовстве, девушка не на шутку испугалась.

– Мой отец не хочет нашей свадьбы! – догадалась она. – Иначе он не послал бы тебя на верную смерть! Послушай, с кем ты решил сражаться: у Химеры львиная голова, козье туловище и змеиный хвост. Совсем немало для одного чудовища! Своих врагов она жалит ядовитым жалом, разрывает когтями, кромсает зубами, топчет копытами и пронзает рогами! Но и это не все! Она исторгает из глотки испепеляющее пламя и всякого, кто приближается к ней, превращает в обуглившуюся головешку. А ее толстую шкуру нельзя пробить ни копьем, ни мечом, ни стрелой. Многие смельчаки пытались покончить с Химерой, да только никто из них не вернулся назад! И тебя ждет тот же конец!

Беллерофонт крепко задумался.

– Я не могу взять назад свое слово, – отвечал он, – придется мне довериться судьбе.

– Я придумала кое-что получше, – сказала Филоноя. – Мы отправимся к прорицателю Полииду! Это мудрый человек. Он должен нам помочь.

Так оно и вышло.

– Есть пророчество, что Химеру убьет копье со свинцовым наконечником, – сказал прорицатель, выслушав Беллерофонта, – сделай себе такое и бесстрашно вступай с ней в битву. И еще: не пытайся нападать на чудовище пешком или с колесницы – оно испепелит тебя своим пламенем, от которого нет спасения. Только атакуя его с воздуха ты добьешься победы. Найди себе крылатого коня!

– Я знаю, что ты имеешь в виду! – воскликнул герой. – Ты говоришь о Пегасе, который живет в окрестностях моего родного города Коринфа. Я часто видел, как он пьет воду из источника Пирены на Акрокоринфе. Это прекрасное и свободолюбивое существо. Некоторые пытались его поймать и оседлать, однако никто не добился успеха.

– Если твой подвиг угоден богам, они тебе помогут, – предрек Полиид, – молись и проси поддержки у могучей Афины. В тяжелую минуту она всегда приходила на помощь героям.

Теперь Беллерофонт знал, что делать. На другой день царевич распрощался с Иобатом и сел на корабль, плывущий в Грецию. «Я скоро вернусь, – сказал он царю. – Только ненадолго сплаваю в Коринф!» Иобат не стал его задерживать. В Коринфе Беллерофонт пришел к дяде Орнитиону и рассказал ему о своем намерении жениться на ликийской царевне.

– Я отказываюсь от коринфского престола за себя самого и за своих потомков, – объявил он. – Единственное, что я хочу отсюда увезти, так это крылатого коня Пегаса.

– Этот конь мне не принадлежит, – отвечал Орнитион, – он твой, если сумеешь его поймать.

Беллерофонт укрылся в засаде у источника Пирены. Каждый день на рассвете белоснежный крылатый конь прилетал на Акрокоринф напиться воды, однако стоило царевичу показаться, он тотчас взмывал в воздух. Уговоры, хитрости, ловушки – ничего не помогало. Юноша не отчаивался и продолжал молить богов о помощи. Однажды он увидел во сне высокую

прекрасную женщину. «Все образуется, Беллерофонт, – сказала она, – видишь эту золотую уздечку? Накинь ее на Пегаса, и он окажется в твоей власти!»

Утром, когда царевич проснулся, он с изумлением обнаружил у своей постели уздечку, точь-в-точь такую, какая ему привиделась во сне. В горячей молитве он возблагодарил богиню Афины и поспешил к источнику. На этот раз все сложилось наилучшим образом. Пегас был отвлечен игрой солнечных бликов на воде. Герой незаметно подкрался к нему и набросил на голову уздечку. Едва он успел вскочить на спину крылатому коню, как оказался высоко над землей. Что тут началось! Пегас то взмывал под самые облака, то падал вниз, так стремительно, что в глазах темнело. Он кувыркался и переворачивался набок, стараясь сбросить героя, но тот крепко держался на спине. Наконец гордый конь смирился и послушно помчал Беллерофонта в Азию.

Вот это было путешествие! Куда приятней плаванья по морю! И не в пример быстрее. Беллерофонт оглянуться не успел, как оказался в ликийских горах, вблизи тех мест, где жила Химера. В руках он сжимал крепкое копьё со свинцовым наконечником и готов был в любую минуту сразиться с чудовищем. Заметив приближение героя, Химера выползла из своей пещеры. Задние ноги у нее как у козы оканчивались копытами, а на передних были видны страшные железные когти. Ее передняя голова издавала львиный рык, а задняя – громко шипела и скалила ядовитые зубы.

Беллерофонт попытался приблизиться и ударить гадину копьём. В ответ Химера вскинула львиную голову с острыми козьими рогами и обдала героя струей обжигающего пламени. Да, с таким противником не зевай! Хорошо, что Пегас умел стремительно взмывать в высоту. Это уберегало царевича от убийственного жара. Повинуясь Беллерофонту, Пегас подлетал к Химере то с одной, то с другой стороны. Несколько раз царевич доставал чудище копьём, но мягкий наконечник гнулся и не мог пронзить его крепкую шкуру. Наконец, изловчившись, Беллерофонт вогнал копьё прямо в оскаленную пасть Химеры. От жаркого дыхания гадины свинец расплавился, протек ей в глотку и прожег все внутренности. Ту и пришел ей конец!

Беллерофонт снял шлем, утер пот и направил коня во дворец Иобата. «Я исполнил свое обещание, царь, и убил Химеру – объявил он, – вели готовиться к свадьбе!» Однако Иобат замахал руками и отвечал, что не время сейчас думать о праздниках, так как на Ликию напали его злейшие враги – свирепые солимы и их союзницы амазонки.

– Война идет не на жизнь, а на смерть! – сказал он. – Две мои армии уже разбиты. Если побьют третью – моему царствованию конец!

– Я отправлюсь вместе с твоими солдатами! – решил Беллерофонт. – Думаю, мы сможем победить всех недругов, какими бы свирепыми они не были.

Царевич ушел спать – ему ведь следовало отдохнуть после битвы с Химерой. Поэтому он не слышал, какие распоряжения давал отец Флонои своим военачальникам. «Когда начнется битва, и Беллерофонт ввяжется в сражение, бросьте его одного среди врагов, – велел Иобат. – Он непременно погибнет, так как не сможет сражаться с целой армией!» Военачальники обещали исполнить волю царя.

На другой день ликийское войско выступило против врагов. Беллерофонт парил над ним на своем белоснежном Пегасе. Едва увидев неприятелей, он помчался на них как ураган и стал забрасывать сверху огромными камнями. Солимы и амазонки пускали в него множество стрел, но ни одна из них не долетела до Пегаса. Так высоко он находился! Беллерофонт призывал

ликийцев храбро начать атаку, однако те, подчиняясь приказам Иобата, позорно оставили поле боя. Отважный царевич один до самого вечера сражался с солимами и их союзницами. Наконец ему удалось обратить их в бегство.

Когда враги были разбиты, Беллерофонт, пылая гневом, устремился во дворец Иобата. Царь велел крепко запереть ворота, но Беллерофонт ворвался внутрь через большое дворцовое окно.

– Вероломный предатель! – грозно воскликнул он. – Я дважды спас твое царство, а ты бросил меня на растерзание врагам! Попробуй доказать, что ты не искал моей смерти!

Иобат был не на шутку напуган.

– Я не виноват! – поспешно сказал он. – Узнаешь это письмо? А теперь прочти, что пишет мой зять!

И он протянул Беллерофонту дощечки Прета. Мы уже знаем, о чем там шла речь, но для царевича возводимые на него обвинения стали полной неожиданностью. «Это ложь! – возмутился он. – Каждое слово здесь – грязная клевета!» Он рассказал Иобату, как на самом деле обстояли дела, и тому стало очень стыдно за свою дочь. Чтобы как-то сгладить неприятные последствия ее интриги, он тотчас выдал за Беллерофонта Филоною, а затем объявил его своим наследником. На другой день была сыграна веселая свадьба.

Из мифов мы узнаем, что Беллерофонт долгие годы счастливо жил в Ликийи. После смерти Иобата он сделался тамошним царем и основателем новой династии. Его имя было известно всей Греции, и странствующие поэты воспевали в своих стихах его поединок с Химерой. Увы, эта слава не пошла нашему герою на пользу. В конце концов он так возгордился, что стал почитать себя равным богам! И вот однажды Беллерофонт сел на своего Пегаса и решил вознестись на самый Олимп! Однако ему это не удалось – неподалеку от священной горы Пегаса укусил огромный овод, насланный на него Зевсом. Верный конь взбесился и сбросил с себя Беллерофонта. Из-за падения с большой высоты царевич получил тяжкие увечья, а также лишился зрения. После этого он до самой смерти скитался по греческим городам, вымаливая подаяния и рассказывая о своем былом величии. Подобно своему деду Сизифу, он служил наглядным свидетельством того, что боги могут не только даровать герою великую славу, но и способны лишить его всего, что тот имеет. Пусть не забывает, кому на самом деле обязан своей удачей!

Дочери Прета

У тирийского царя Прета и его жены Сфенебеи было четверо детей. Сначала родились дочери Лисиппа, Ифиноя и Ифианасса, а потом появился на свет сын Мегалент. Царские дочери очень любили наряды и украшения. Как-то раз девушки оказались в храме, где находилось старинное изваяние Геры.

– Смотрите какое прекрасное ожерелье украшает эту старую статую! – сказала Ифиноя, – между нами говоря, оно ей совсем не к лицу.

– Зато мне оно, наверняка, пойдет, – подхватила Ифианасса.

– Не говорите так сестры, – испугалась Лисиппа, – богиня услышит нас и покарает.

Однако желание примерить ожерелье оказалось сильнее страха. Дочери Прета сняли его и стали одна за другой надевать себе на шею. И тотчас все трое лишились рассудка! – Вообразили себя волчицами, убежали в соседнюю Аркадию и поселились там в диком лесу. Каждую ночь царевны нападали на крестьянские стада, воровали овец, а потом пожирали их сырое мясо. Царю Прету было известно об их безумствах, но он не знал как положить им конец.

Однажды в Тиринф явился чужеземец. От жителей города он узнал о беде, постигшей царское семейство, отправился во дворец и сказал Прету:

– Я могу излечить твоих дочерей!

– "Кто ты, чужестранец? – поинтересовался царь.

– Мое имя Меламп, я сын Амитаона и внук царя Иолка Кретея. Я и мой брат Биант родились в Мессении и живем у дяди – пилосского царя Нелея.

– И что ты попросишь в обмен за свою услугу, грек? – спросил Прет.

– Я попрошу немало, – твердо отвечал Меламп. – Мы с братом – природные царевичи и происходим из царского рода. Однако из-за происков нашего дяди Пелия мы лишились своих владений. Нам нет доли ни в Фессалии, ни в Мессении. Итак, если мое лечение окажется успешным, я потребую треть твоего царства.

Прет долго размышлял над его словами, а потом сказал:

– По-моему, плата слишком высока. Быть может, ты удовлетворишься чем-нибудь поскромнее?

Он думал поторговаться с незнакомцем – авось тот сбавит цену! Но Меламп показал ему, что на самом деле является природным царевичем. Получив отказ, он молча поклонился и покинул дворец.

Прет очень скоро пожалел о своей неуступчивости. Безумие царевен оказалось заразным. Прошло немного времени, и помешательство распространилось на всех аргивянок. Многие из них впали в неистовство, бежали в Аркадию и присоединились к царским дочерям. Обезумевшие женщины нападали на стада, убивали овец и коров. Дороги сделались небезопасны, поскольку некоторые из помешавшихся попробовали человеческого мяса и стали охотиться на людей! Видя, что беда с каждым днем разрастается, Прет поспешно послал за Мелампом и объявил ему, что принимает его условие.

– После нашего последнего разговора, – возразил тот, – болезнь усилилась и цена за излечение возросла. Помимо трети царства для себя я хочу получить еще треть для своего брата Бианта!

– Если так пойдет дальше, – подумал Прет, – я вообще останусь без царства.

И он согласился.

Меламп был великим прорицателем, знал толк в травах и очищениях. Взвзвись за дело, он собрал вокруг себя самых сильных юношей, которые с возгласами и плясками, как бы внушенными божеством, стали гнать женщин с гор до самого Сикиона. Здесь безумие покинуло их. Омыв несчастных водой из священного колодца Геры, Меламп добился их окончательного исцеления. Однако дочерей Прета среди спасенных не оказалось. В поисках царевен Меламп и Биант долго бродили по Аркадии, наконец обнаружили их в одной из горных пещер на берегу реки Стикс. Девушки пустились бежать. Братья бросились за ними. Во время преследования Ифиноя разбилась и умерла, но ее сестры в конце концов оказались в руках сыновей Амитаона. Пройдя очищение, они тоже излечились. Прет был очень рад этому. Лисиппу он отдал в жены Мелампу, а Ифианассу – в жены Бианту (его первая жена Перо к этому времени уже умерла). Каждый из братьев получил свою треть царства и сделался родоначальником новой царской династии.

Персей

Царь Аргоса Акрисий имел от своей жены Эвридики прелестную дочку по имени Даная. А вот сыновей у царя не было. Как помочь этому горю Акрисий не знал и послал спросить совета у бога. Ответ из Дельф не заставил себя долго ждать, но был совсем не тот, что ожидал услышать Акрисий. "Царю Аргоса отказано в мужском потомстве, – объявила Пифия. – Дочь

Даная родит ему внука, от рук которого он и примет свою смерть!" Печально услышать такое про свою любимую дочь! Чтобы избежать предназначенной судьбы Акрисий велел построить глубоко под землей обширные покои из бронзы и заключил туда Даная. Грозная стража и свирепые псы день и ночь стерегли царевну. Ни один мужчина не смел к ней приблизиться. Но однажды, когда Даная спала, на нее пролился диковинный золотой дождь (говорят, что это сам Зевс проник к ней в виде золотых струй). Через год после этого Даная родила прекрасного мальчика. Малыша назвали Персеем. Долгое время матери удавалось скрывать сына от глаз своего отца, но в конце концов тот все узнал и не на шутку испугался. "Вот как оно вышло! – подумал царь. – Ну ничего – я живо все исправлю!" Он повелел сделать большой ящик, посадить в него Даная с внуком, заколотить, засмолить и бросить в море. Акрисий полагал, что отправляет их на верную смерть, но опять просчитался. Волны и морские течения пригнали ящик к острову Серифосу. Тут он попал в сети рыбака и оказался на берегу. Ящик тотчас разбили, после чего Даная с сыном смогли из него выйти. Их спасителя звали Диктис. Вот удивился он, когда увидел перед собой прекрасную молодую женщину с ребенком! Обоих согрели и накормили, после чего Даная поведала старому рыбаку свою историю. Несчастливая! Сколько ей пришлось вынести от собственного отца! Диктису стало очень жаль ее. Жена его недавно умерла, и Даная осталась у него помогать по хозяйству.

Прошли годы. Персей вырос, возмужал, превратился в сильного, ловкого и храброго юношу. Все эти качества оказались очень кстати. Дело в том, что царь острова Полидект увидел однажды Даная, и она ему очень приглянулась. Полидект решил на ней жениться. Однако Даная он совсем не нравилась, поскольку был старый и жестокий. Положим, царя не очень трогало ее мнение – он не привык себе ни в чем отказывать. Но у Данаи был взрослый сын! Когда Полидект попытался заслат в ее дом своих слуг, те встретили со стороны Персея не очень ласковый прием и были без всяких церемоний выпровождены вон. Царю доложили о неудаче.

"Мне ничего не добиться, пока при матери находится ее мальчишка, – с досадой сказал себе царь, – следует поскорее отослать его с острова!" Случай для этого скоро представился. Однажды во дворце Полидекта устроили большой пир. Среди приглашенных был и Персей (как-никак он считался царским внуком, а, возможно, и сыном бога!). Разговор за столом зашел о разных чудовищах. Одни рассказывали о страшной полуженщине-полузмее Ехидне, другие – о вампирах-эмпусах. Но больше всех нагнал на гостей страху купец, приплывший из далекой западной страны. "Ваша правда, – сказал он, – все это жуткие демоны. Но слышали ли вы о горгонах?". Оказалось, что некоторые кое-что слышали о них, но большинство пребывало на этот счет в полном неведении. "Так вот, – продолжал купец. – Далеко на западе, посреди безбрежного океана лежит большой остров. Вы не встретите на нем ни людей, ни животных. Вокруг только камни и дикие безжизненные скалы. Это и есть царство горгон! Их три сестры, и все они дочери морского бога Форкиса. Тело горгон покрыто крепкой блестящей чешуей. У них громадные медные руки с острыми когтями, а на головах вместо волос двигаются, шипя, ядовитые змеи. На своих громадных крыльях горгоны носятся над морем и горе тем морякам, что попадают на их пути! Горгоны разрывают их на части и пожирают. Они очень любят лакомиться теплой человеческой кровью. Но самое ужасное в горгонах – это их глаза. Мне неизвестно как это происходит, но только каждый, кто встретится с их взглядом, превращается в камень!"

Слушая этот рассказ, гости ежились от страха, а царь Полидект спросил:

– Но убить-то их можно?

– Из трех сестер две бессмертны, – отвечал гость, – только младшую из них, ту что зовут Медуза, можно лишить жизни, однако еще не родился смельчак, который отважится на такой подвиг.

– Это у вас на западе люди так думают, – возразил Полидект. – В наших краях на это смотрят по-другому. Да что тут далеко ходить! Я знаю одного славного юношу, который без долгих слов возьмется за это дело и еще до исхода года принесет на наш остров голову горгоны Медузы.

С этими словами коварный Полидект указал на Персея. Все взоры обратились на него! Персей вскочил со своего стула. Кровь сначала бросилась ему в лицо, а потом прилила к сердцу. Лицо юноши стало белым, словно вырезанным из мрамора, но глаза сверкали мужественным огнем.

– Ты не ошибся, царь! – воскликнул он. – Я возьмусь за этот подвиг и принесу тебе голову Медузы!

Гости зашумели.

– Несчастный, – сказал ему купец, – ты наверно хлебнул лишнего и не ведешь, что говоришь! Как ты сумеешь подобраться к Медузе незамеченным? Как избежишь ее мертвящего взгляда? Как разрубишь крепкую чешую на ее шее? Как, наконец, донесешь до Серифоса ее ядовитую голову? Все это непосильные задачи для смертного!

– Зачем ты раззадориваешь моего Персея? – усмехнулся Полидект. – Он и так полон благородной отваги! Не говори ему больше ни слова, а то он не высидит до конца пира и отправится в путь еще до рассвета.

Царь был очень доволен собой и от радости потирал руки. Еще бы! Как ловко он сумел отделаться от этого простака Персея! Теперь тот непременно погибнет, и ничего не помешает Полидекту жениться на прекрасной Данае!

Через несколько дней Персей отправился в путь. На корабле он доплыл до Фракии, а потом пошел на запад к берегам великого океана. Много стран и людей пришлось ему повидать. Наконец он добрался до таких мест, где не было ни городов, ни пашен. Одни только дикие леса! Персей, который все детство провел на маленьком каменистом острове, даже представить не мог, что бывают такие огромные деревья! Шел он шел, и однажды повстречал прекрасную высокую женщину и молодого безбородого юношу. "За трудное дело ты взялся, Персей! – воскликнули они. – Без помощи богов его не осилить. Ну да ничего! Мы тебе поможем!" С этими словами женщина протянула ему отполированный до блеска щит. "Когда подберешься к Медузе, – сказала она, – не вздумай смотреть ей в глаза, а то мигом окаменеешь. Гляди на ее отражение в этом щите и смело руби ей голову!" Юноша дал Персею кривой алмазный меч, который был острее бритвы и тверже любого камня. Только таким и можно было разрубить крепкую чешую на шее Медузы!

– Теперь ты не плохо экипирован, – заметил незнакомец, – но много тебе пока не хватает. Чтобы добраться до острова горгон необходимы крылатые сандалии, которые понесут тебя по воздуху быстрее, чем крылья орла! Кроме них нужны еще шлем Аида, делающий невидимым всякого, кто его одевает, и чудесная сумка, способная расширяться или сжиматься в зависимости от того, что в ней лежит. Все эти вещи можно найти у старых грай. Небось слышал про них?

Увы, Персей ничего о них не знал.

– Это три старые ведьмы, – пояснила женщина. – Бедняжки просмотрели все глаза, ожидая женихов! Теперь на троих у них всего один глаз. Постарайся завладеть им, и тогда получишь все, что пожелаешь.

– Грайи живут на юге отсюда, – продолжал юноша. Ищи их в Ливии у подножья Атласских гор.

Персей был очень признателен неизвестным попутчикам, но поблагодарить их не успел – они исчезли, словно растворились в воздухе. Теперь он не сомневался, что разговаривал с кем-то из бессмертных богов. И действительно, то были Афина и Гермес, которые взяли

помогать Персею в его нелегком начинании. Отважный юноша вновь двинулся в путь, миновал много неведомых земель и наконец добрался до мрачной страны, где жили старые грайи. Все оказалось так, как говорила ему Афина. На трех старух был всего один глаз, которым они пользовались по очереди. Пока глаз находился у одной из грай, две другие были слепы, и зрячая грайя вела беспомощных сестер. Когда же, вынув глаз, грайя передавала его следующей, все три сестры ничего не видели. Этим и решил воспользоваться Персей! Он тихо подкрался в темноте к старухам и вырвал чудесный глаз из их рук. Когда грайи поняли, что их обрекли на полную слепоту, они пришли в отчаяние и стали молить Персея вернуть им зрение. "Получите свой глаз только в обмен на крылатые сандалии, шлем Аида и волшебную сумку!" – отвечал он им. Старухам, конечно, нелегко было расстаться с такими сокровищами, но глаз для них был важнее. Они повели юношу в свою пещеру и выдали ему все, что он требовал.

Персей отдал им глаз, надел крылатые сандалии и в тот же миг взвился в воздух. Теперь он имел все необходимое для схватки с Медузой. Оставалось только разыскать ее. "Волшебные сандалии! – крикнул Персей, – несите меня напрямиком к острову горгон. Хватит ходить вокруг да около. Пришло время показать чего я стою!" Сандалии рванулись вперед и помчали Персея над морем, да так быстро, что только ветер свистел в ушах. Ну и вид открылся перед ним! Внизу проплывали острова и мелькали крошечные кораблики. Люди были такие маленькие, что разглядеть их не представлялось возможным. Но вот вдали показалась черная полоска земли. Сандалии снизили скорость. Юноша понял, что достиг цели, поспешно надел шлем Аида и сделался невидимым. Предосторожность совсем не лишняя, ведь горгоны могли заметить его в любое мгновение! Затаив дыхание, Персей стал спускаться на неведомую землю. Так вот он какой остров горгон! Всюду неуютные скалы и камни, только кое-где зеленеет трава. И не единой души! Но подлетев поближе Персей убедился, что остров не всегда был таким безжизненным. До того, как его облюбовали горгоны здесь кипела жизнь. Там и здесь видны были руины домов, а между ними высились измытые дождями и ветрами каменные изваяния людей и животных. Все они погибли под смертоносными взглядами!

Но что это сверкает вдали? Присмотревшись, Персей увидел трех спящих горгон. Их чешуя и крылья ярко блестели на солнце, а змеи на головах чуть шевелились во сне. Невидимый для всех Персей завис над ними и обнажил свой меч. "Смелей, Персей! – раздался прямо возле его уха голос Гермеса. – Видишь крайнюю к морю горгону? Это и есть Медуза!" Глядя в свой щит, юноша камнем упал вниз. Однако, как ни быстро он приближался, змеи на головах сестер почувствовали врага и с громким шипением воспрянули ото сна. Медуза приоткрыла глаза, но в этот момент Персей одним ударом снес ей голову. Затем упрятал ее в сумку и поспешно взмыл ввысь. И как раз вовремя! Две другие горгоны яростно озирались вокруг в поисках убийцы. К счастью, Персей был уже далеко.

Обратный путь героя пролегал над северным побережьем Африки. Миновав Ливийскую пустыню и Египет, он оказался в Эфиопии. Стремительно неся Персей вдоль берега моря. Глядишь, еще немного, и он будет дома. Но что это? Пролетая над каким-то городом, Персей заметил прекрасную девушку, прикованную к скале над отвесным обрывом. Она горестно вздыхала, и слезы катились по ее белоснежным щекам. Мгновение – и Персей уже стоял рядом с ней.

– Прекрасная дева! – воскликнул он, – как тебя зовут и за какой проступок несешь ты такое жестокое наказание?

– Меня зовут Андромеда, – печально отвечала незнакомка, – я дочь здешнего царя Кефея. А наказана я за гордость своей матери Кассиопеи! Она всегда восхищалась собой и однажды похвасталась морским нимфам, что превосходит их своей красотой. Те не стерпели

дерзости, и по их просьбе Посейдон наслал на наше царство страшное морское чудовище. Оно пожирает скот и людей, разрушает дома и истребляет посевы. Когда терпение наших подданных истощилось, они отправились испросить оракул. Всем хотелось знать, каким образом отвести от нашего царства эту страшную напасть. Бог отвечал, что в наказание за свою несдержанность, Кассиопея должна отдать самое дорогое, что у нее есть – свою дочь! И вот, прикованная к скале, я жду, когда проклятое чудовище выйдет из моря и проглотит меня!

"Несчастливая! – подумал Персей. – Если она и была в чем-то виновата, то понесла уже достаточное наказание. Не позволю чудовищу убить ее!" А вслух он сказал: "Не бойся красавица! Боги не совсем отвернулись от тебя, раз я оказался рядом!" Прошло немного времени. Морская пучина заклокотала, и среди бушующих волн показалась мерзкая голова. Вытягивая шею, чудовище распахнуло огромную пасть и потянулось к Андромеде. Но тут Персей выхватил из сумки голову горгоны Медузы и поднял ее над головой. Змеи на мертвой голове зашевелились, наполовину прикрытые глаза распахнулись, и взгляд их обратил морского исполина в огромную каменную скалу. Ведь мертвящая сила горгоны сохранялась даже после ее смерти!

Персей освободил Андромеду и отнес ее в город. То-то обрадовались Кефей и Кассиопея, когда увидели свою дочь живой и невредимой. Они не знали, как благодарить Персея, и когда он попросил руки их дочери, сразу же дали согласие. На другой день сыграли веселую свадьбу, на которой гуляли и веселились все подданные Кефея. Хорошо было Персею в уютном дворце его тестя, но долго оставаться здесь он не мог, так как должен был спешить на Серифос. Простившись с родителями своей жены, Персей надел крылатую сандалию на левую ногу Андромеды, а сам остался в правой. Крепко взявшись за руки, они быстро взмыли ввысь и понеслись на север.

Путешествовать вдвоем куда веселее, чем одному. Не успел Персей оглянуться, как добрался до Серифоса. Вот он и дома! Что же ожидало его там? Первым делом герой отправился в дом Диктиса. Старый рыбак очень обрадовался своему воспитаннику, однако сам не смог сообщить ему ничего хорошего.

– Увы, Персей, – вздохнул он, – едва ты покинул остров, царь забыл всякий стыд и стал всеми средствами принуждать твою мать к замужеству. Пришлось ей искать убежище в храме у алтаря Зевса. Вот уже какой месяц она не смеет отойти от него ни на единое мгновение.

– Очень хорошо! – гневно отвечал Персей. – Надо признать, я прибыл в самое время! Не стоит откладывать нашу встречу с царем.

Он отправился во дворец и прошел прямо в пиршественную залу, где Полидект веселился вместе со своими друзьями. Вот удивился тот, когда увидел Персея! Он-то думал, что юноша давно сгинул со свету, а тот оказывается жив и здоров. Ясное дело, что никакой радости это открытие Полидекту не принесло.

– В чем дело, Персей? – недовольно спросил он. – Что ты делаешь на Серифосе? Или ты спутал наш остров с островом горгон? Уверяю тебя, что головы Медузы здесь не найти.

– Ошибаешься, царь, – спокойно отвечал Персей, – она здесь, вот в этой сумке.

Как мы знаем, он говорил подлинную правду, но Полидект ему не поверил. С громким смехом он стал издеваться над Персеем и наконец назвал его лжецом. Друзья царя, которые все сплошь были льстецы и лизоблюды, поддержали своего господина и каждый из них спешил выкрикнуть в лицо Персею какое-нибудь оскорбление. Хорошенькое дело – устроить такую встречу герою, совершившему величайший из подвигов! Гнев охватил юношу. "Я вижу мне не верят на слово! – крикнул он громко. – Значит придется предъявить доказательства!" С этими словами он выхватил из сумки голову горгоны и показал ее присутствующим. Смех застыл у них на устах. Под мертвящим взглядом Медузы царь и все его гости один за другим обратились в камни. И поделом! Их наглость и своеволие получили достойное возмездие.

Расправившись с Полидеком, Персей передал царскую власть над Серифосом Диктису, а сам вместе с Данаей и Андромедой отплыл на корабле в Аргос. Пришло время вернуться на родину! И хотя они плыли очень быстро, молва опередила их. Прежде других узнал о подвигах внука Акрисий. Бросив царство, он поспешно взошел на корабль и бежал из Аргоса на север Греции в пеласгийскую Лариссу. Мало кто пожалел об его отъезде. Аргивяне встретили Персея как своего законного царя и торжественно возвели на престол. Голову Медузы герой отдал Афине (она прикрепил ее к своей эгиде), а сандалии, шлем, меч и сумку – Гермесу. Несколько лет он счастливо правил в Аргосе. Потом по каким-то делам Персею пришлось отправиться в Северную Грецию. Проездом он оказался в Лариссе, где местный царь Тевтамид проводил погребальные игры в честь своего умершего отца. Могущественного аргосского царя приняли с почетом и пригласили участвовать в пятиборье. Когда пришло время метать диск, подул сильный ветер и отклонил его в сторону. Вместо того чтобы лететь над стадионом, тот упал на трибуны и насмерть сразил одного из зрителей. Несчастье это сильно огорчило Персея. Но горе его стало безмерным, когда выяснилось, что погибший – это его дед Акрисий, который не смог удержаться от искушения взглянуть на знаменитого внука. Таким образом исполнилось предсказание оракула!

Похоронив деда, Персей вернулся в Аργοлиду, но не поехал в Аргос, а отправился в Тиринф, царем которого в то время был сын Прета Мегапент. "Известно, что мой дед и твой отец много спорили из-за власти, – сказал Персей. – Акрисий отличался своеволием, и все говорят, что в результате раздела Прету досталась худшая часть страны. Но теперь мы можем исправить старую несправедливость. Я не желаю возвращаться в Аргос, на престол убитого мною деда и готов поменять этот город на твои владения". Предложение это очень понравилось Мегапенту и его соправителям – сыновьям Мелампа и Бианта. Жить в богатом, многолюдном Аргосе казалось им намного приятнее, чем в их маленьких городках. Обмен состоялся быстро и без всяких затруднений. Персей объединил под своей властью Тиринф, Гирею, Мидию и укрепил их мощными стенами. Позже он основал еще один город – знаменитые Микены.

Электрион и Амфитрион

У царя Тиринфа Персея и его жены Андромеды было пятеро сыновей: Алкей, Сфенел, Элей, Местор, Электрион и дочь Горгофона. Из них Алкей умер еще при жизни отца, оставив после себя сына Амфитриона. После смерти Персея Сфенел унаследовал царскую власть в Тиринфе, Элей стал править в Гелосе, а Электрион – в Микенах. Что касается Местора, то он не получил доли в Арголиде. Его потомки обосновались на острове Тафос и царствовали там над народом телебоев. Однажды человек по имени Птерелай, называвший себя сыном Местора, явился к Электриону в Микены и стал претендовать на часть наследства Персея.

– Вы несправедливо обошли нас во время раздела имущества и городов, – сказал он, – и это при всем том, что по всем законам – и божеским и человеческим – наши права неоспоримы.

– Я не припомню среди своих родственников человека с таким именем, как у тебя, – язвительно отвечал Электрион, – поищи наследства в другом месте – может быть, там тебе повезет больше. А от меня ты ничего не получишь. Птерелая разгневал этот высокомерный ответ. Он поведал о разговоре с царем Микен своим сыновьям, и те решили отомстить Электриону. Собрав отряд из телебоев, они переправились в Арголиду и внезапно напали на большое стадо коров, принадлежавшее микенскому царю. На страже скота стояли восемь сыновей Электриона.

– Дело обстоит так, что нас намного больше, чем вас, – сказали сыновья Птерелая, – будет лучше, если вы добровольно отдадите нам этих коров в счет положенного нам имущества.

– Позором будет для нас уступить вашим наглým притязанием, – отвечали микенцы. – Не думайте, что наш скот достанется вам без борьбы!

С этим словами юноши вступили с телебоями в жаркую схватку. Исход ее был очень печален: все сыновья Электриона погибли, а из сыновей Птерелая в живых остался лишь один Эвер. Одержав победу, телебои загнали коров на корабли и отплыли из Арголиты.

Так царь Электрион в один день лишился сыновей и скота. Горько и тяжело было у него на сердце! Из всех детей осталась у него только дочь – прекрасная как богиня Алкмена. Царь знал, что его племянник Амфитрион давно и безнадежно влюблен в девушку. Он призвал его к себе и сказал: "Прежде я не хотел видеть мою дочь твоей женой, но теперь времена изменились. Пусть ваш брак состоится! Более того, я готов признать тебя своим наследником и завещаю тебе царскую власть над Микенами. Однако все это ты получишь не за просто так. У меня есть два условия: прежде всего ты должен вернуть украденных коров, а потом отомстить телебоям за смерть моих сыновей!" Условия были непростые, но Амфитрион охотно их принял. Ради руки красавицы Алкмены он и прежде готов был на любые подвиги, а обладание богатым Микенским царством стало для него просто нечаянным подарком судьбы.

Вскоре стало известно, что похищенный скот находится на хранении у царя Поликсена. Амфитрион отправился к нему, рассказал о неприглядных проделках сыновей Птерелая и растолковал, как нехорошо быть укрывателем краденного, в особенности тогда, когда кража отягчена убийством. Поликсен был смущен и отдал Амфитриону всех коров, удовлетворившись небольшим выкупом. Так было исполнено первое условие. Довольный Электрион тотчас объявил Алкмену женой Амфитриона и устроил свадебный пир. Казалось, успех во всем сопутствует удачливому юноше, но тут, когда этого меньше всего ожидали, случилось непоправимое: во время передачи скота, одна из коров отбилась от стада и стала убегать; Амфитрион метнул в нее дубину, которую держал в руке, та рикошетом отскочила от рогов коровы, попала в голову Электриона и сразила его наповал!

Микенцы были смущены и удручены таким поворотом событий.

– Это несчастный случай, – говорили одни, – царевич ни в чем не виновен!

– Это убийство! – твердили другие, – Амфитрион не хотел воевать с телебоями и постарался отделаться от тестя сразу после свадьбы!

Враги обратились за поддержкой к царю Тиринфа Сфенелу, а тот поспешил воспользоваться несчастьем племянника – захватил Микены и выгнал из города Амфитриона вместе с его молодой женой. С немногими верными друзьями они перебрались в беотийские Фивы и поселились там при дворе царя Лаия.

Глава V. Беотия

Кадм

В далекой Сирии, в большом и богатом городе Сидоне правил царь Агенор. Он был велик и могущественен, однако не в этом видел свое счастье. Более всего гордился царь прекрасной дочерью Европой. Но вот однажды девушка стала играть с большим, неведомо откуда взявшимся быком, забралась к нему на спину, а тот вошел в море и уплыл с ней неизвестно куда. Цакревну искали потом повсюду и не смогли найти. Горе пришло во дворец Агенора! Умолкли смех и веселые голоса. Целыми днями царь стоял на балконе и уныло смотрел в морскую даль. Увы, – море не вернуло ему дочери. Наконец он призвал своих сыновей – пятерых могучих царевичей, бывших опорой его трона, – и велел им отправляться на поиски сестры. "Но не вздумайте возвращаться в Сидон без Европы! – воскликнул он с горьким отчаянием, – не говорите мне, что вы нигде не нашли мою дорогую девочку! Иначе я прокляну вас!"

На другой день все сыновья взошли на корабли, распустили паруса и оставили родной город. После их отъезда ничего не изменилось. Грустно и томительно протекали дни. Они складывались в недели, месяцы, годы... Агенор тщетно ждал хоть каких-нибудь вестей – их не было. Неужели все поиски оказались безрезультатными? Неужели вслед за дочерью неведомо где пропали остальные его дети? Царь надеялся, что хоть кто-нибудь из его сыновей, устав бродить по свету, возвратится в Сидон, чтобы скрасить своим участием его одинокую старость. Но он ждал напрасно – никто из царевичей не осмелился нарушить отцовскую волю. Проведя много лет в безуспешных поисках Европы, все они остались жить на чужбине, и даже их последнее прости не дошло до ушей сурового отца.

Из всех сыновей Агенора самая необычная судьба выпала на долю старшего, которого звали Кадмом. Отправившись в путь, он прежде посетил многие острова, потом высадился во Фракии и долго бродил по этой огромной и дикой стране. Кто-то посоветовал ему отправиться в Грецию, в Дельфы, и спросить оракул у бога – уж он-то знает где искать Европу! Кадм так и поступил. "Оставь это безнадежное дело! – отвечала царевичу Пифия. – Пришло время подумать о себе. Боги предназначили тебе стать основателем нового города, которому суждено славное и великое будущее. Неподалеку отсюда на уединенной поляне ты найдешь корову, не знавшую ярма. Следуй за ней и поселись там, где она приляжет". Кадм и его спутники покинули Дельфы и поблизости от храма встретили белоснежную телку – она паслась на никем не охраняемой поляне. "Вот он наш поводырь! – воскликнул царевич. – Теперь наша судьба в ее власти". Корова тихо затрусила по дороге, а сидонцы двинулись следом. Сначала дорога шла среди гор. Затем путники оказались на обширной плодородной равнине. Это была Беотия! Не останавливаясь, корова бежала все дальше на восток. Наконец силы покинули ее, и она легла в густую зеленую траву. Место было красивое и удобное для жизни – вокруг возвышались живописные холмы, а неподалеку протекала небольшая река Асоп. Долгое путешествие закончилось! Кадм пал на колени, поцеловал землю своей новой родины и призвал благословение богов на незнакомые горы и долины. Сам он стал сооружать из камней жертвенник Зевсу, а слуг отправил в видневшуюся неподалеку дубовую рощу – принести дров и воды для возлияний.

Сидонцы дружно принялись за дело. Вскоре все было готово для благодарственной жертвы. Только посланные за водой все не возвращались. Кадм опоясался мечом, накинул на плечи львиную шкуру, взял в руки крепкое копье и сам углубился в рощу. Ну и тишина стояла здесь! Ни птиц, ни людей. Только огромные вековые дубы, гордо возносившие вверх свои кроны, тихо шелестели листьями. Пройдя немного вперед, царевич оказался на поляне перед каменным гротом, вход в который густо зарос ивой и тростником. Кругом лежали нагроможденные в беспорядке огромные камни. Быстрый ручей с кристально-прозрачной водой журчал между ними. "Где же вы, мои верные друзья? – позвал Кадм. – Отзовитесь!" И тут он наткнулся на них. Бедняги! Все они лежали убитые один подле другого. На их телах видны были ужасные раны, а на лицах застыло выражение ужаса. Кто мог учинить такое злодеяние? Царевичу не пришлось долго теряться в догадках на этот счет. Раздалось громкое шипение, и из грота показалась огромная отвратительная голова на длинной гибкой шее. Дракон! И какой огромный!

Как зачарованный смотрел Кадм на змея, быстро выползавшего из своей пещеры. Его черная чешуя ярко блестела на солнце, глаза сверкали огнем, из пасти, усаженной ядовитыми зубами, высывалось жало. Миг – и чудовище уже возвышается над ним. Царевич схватил большой камень и с силой швырнул его в змеиную голову. Вот это удар! От такого могла бы рухнуть даже крепостная стена. Но дракону хоть бы что – только звон пошел по всему лесу! Однако Кадм не растерялся. Ловко увернувшись от смертоносных зубов, он улучил момент и вонзил копье в змеиную спину. Под напором бронзового жала лопнула прочная чешуя и

копье погрузилось в тело гадины по самое древко. У, как ей это не понравилось! Изогнувшись назад, дракон попытался вырвать копье из раны, но только обломал древко. Его шея вздулась от ярости, из зловонной пасти хлынула смешанная с кровью ядовитая пена. Он вновь обратился против отважного юноши. Однако не так-то просто победить смельчака, который решил дорого продать свою жизнь! Куда не сунется змей – везде встречает его острие грозного меча! Слепленный и оглушенный, с окровавленной мордой, дракон начал пятиться и быстро терять силы. Наверно, он думал о спасении. Но поздно! Изловчившись, Кадм одним ударом срубил его гадкую голову, потом отступил назад и с изумлением оглядел поверженного врага. Да! Не часто встретишь такого исполина!

И вдруг кто-то окликнул Кадма сзади. Он обернулся и увидел высокую прекрасную женщину. "Великое дело ты совершил, царевич! – воскликнула она. – Но подвиг твой еще не окончен. Поторопись завершить его до захода солнца: вспаши поле и засеи его зубами убитого дракона". Сказала – и исчезла. Сразу видно, что это была не простая смертная. Впрочем, Кадм еще прежде догадался, что видит перед собой богиню Афину, часто помогавшую героям в их нелегких начинаниях. Вырвав из пасти дракона ядовитые зубы и наполнив ими свой шлем, он вернулся обратно к своим спутникам. Сейчас же по его приказу подготовили все необходимое для пахоты. Налегая на плуг, Кадм вспахал небольшое поле и засеял его зубами дракона. Но какие всходы могли они дать? Прошло немного времени, земля зашевелилась и из нее показались острия копий, потом поднялись над пашней гребни шлемов, затем – головы воинов, их плечи, закованные в панцири груди, руки со щитами. Не успел Кадм опомниться, как оказался перед большим отрядом вооруженных воинов. Он схватился за меч. Но те, не обращая на него внимания, вступили друг с другом в жестокую сечу. Полетели отрубленные руки и головы, стали валиться на землю убитые. Все поле вскоре было завалено трупам. К концу дня из большого отряда уцелело только пятеро воинов. Когда край солнца коснулся земли, они протянули друг другу руки в знак мира, а затем преклонили перед Кадмом колени и провозгласили его своим царем.

В лице этих пяти рожденных землей воинов (согласно преданиям, их звали Эхион, Удей, Хтоний, Гиперенор и Пелор) Кадм нашел могучих и деятельных помощников. Вместе с сидонцами они построили на четырех холмах хорошо укрепленную крепость, которая по имени царя была названа Кадмеей. На самом высоком, западном, холме был возведен царский дворец. Вслед затем сидонцы начали завоевание страны и нанесли местным племенам поражение. Гиганты бежали в соседнюю Фокиду, а аоны покорились Кадму. Во всей Беотии только минии сохранили свое независимое царство со столицей в Орхомене.

Кадм женился на Гармонии и имел от нее сына Полидора, а также четырех дочерей: Автоною, Ино, Агаву и Семелу (которая стала матерью Диониса).

Антиопа

Полидор, сын Кадма, умер, когда его сын Лабдак был еще совсем маленьким мальчиком. До совершеннолетия царевича страной должен был править его родственник Никтей. Полидор надеялся, что тот станет верным помощником его сына и опорой престола, но едва смерть смежила ему очи, Никтей сам надел корону и стал зваться царем. А Лабдака отослал в какую-то дальнюю деревню и больше о нем не вспоминал. Кадмейцы, которым очень не понравился этот поступок, тихо роптали на Никтея, но вслух высказывать свое недовольство боялись. Новый царь был человек суровый и не позволял распускать языки.

У Никтея была красивая дочка по имени Антиопа. Кроткая и мягкая, она всегда была послушна отцу, а тот души в ней не чаял. Случилось так, что однажды в Кадмее долгое время гостил царь соседнего Сикиона по имени Эпопей. Часто встречаясь с Антиопой, он вскоре был совершенно очарован ее ласковым, спокойным характером, нежным голосом и большими прекрасными глазами. "Сколько можно жить холостяком? – спросил он себя однажды. – Давно пора обзавестись семьей и подумать о наследниках. А коли так, то лучшей жены, чем дочь Никтея, мне не сыскать!" И вот, когда два царя сидели за столом, пили вино и дружески беседовали, Эпопей завел с Никтеем речь о своей женитьбе. Если бы он знал, какой его ожидает ответ, то никогда бы не начал этого разговора! Как только Никтей понял, что Эпопей сватается за его дочь, от его показного добродушия не осталось и следа. Лицо его сделалось гордым и холодным. "Что за нелепые речи слышу я от тебя? – произнес он надменно. – Мне казалось, ты достаточно умен, чтобы знать свое место. Сравни Беотию и Сикионию! Оглянись вокруг: видишь сколько у меня плодородных земель, сколько богатств и могучих воинов? А теперь вспомни свой захудалый городишко и свое крошечное царство! Чтоб оглядеть свои владения тебе не нужно даже выходить из дома – достаточно подняться на крышу дворца! И ты хочешь жениться на моей дочери? Антиопа – тебе не пара!"

Своим кичливым отказом Никтей глубоко уязвил Эпопея. От их былой дружбы не осталось и следа. На другой день царь Сикиона покинул Кадмею, а Никтей даже не вышел с ним попрощаться. Он считал разговор оконченным, но на самом деле все только начиналось. Короткое время спустя хватились Антиопы – искали ее повсюду и нигде не могли найти. Наконец прошел слух, что она увезена Эпопеем. Вот так дела! Царь немедленно снарядил погоню, но догнать сикионцев уже не смог – они успели доскакать до моря и поспешно отплыли на своих кораблях. Нечего сказать, хорошо они отплатили за гостеприимство! Все кадмейцы были возмущены проделкой Эпопея и горели жаждой мщения. Стали готовиться к войне. Но царь Сикиона тоже не сидел сложа руки. Вскоре в Кадмею явились его послы. Они сообщили, что Антиопа уже стала женой Эпопея – тут уж Никтею ничего исправить нельзя! Пусть сам теперь решает: миру быть между ними или войне. Что касается Эпопея, то он равно готов и к тому, и к другому. Принесли они также весточку от самой Антиопы. Она кротко просила отца не гневаться на ее мужа и не начинать из-за нее кровопролития. Конечно, тот поступил нехорошо, но все же он совсем не такой скверный человек, каким кажется. Письмо поразило Никтея в самое сердце. И это пишет его дочь! Где слезы? Где жалобы? Где мольбы о помощи? Где, наконец, ее тоска по отцовскому дому? Как он пестовал и лелеял ее все эти годы! И теперь все забыто в один миг! Выйти замуж за вероломного вора, силой принудившего ее к браку и жить с ним, как ни в чем не бывало! Нет, этого нельзя простить! Ярость вытеснила из души Никтея все остальные чувства. Итак, война сделалась неизбежной.

Беотийцы вторглись в Сикионию. Они ожидали легкой победы, но натолкнулись на упорное сопротивление. Сикион, вопреки утверждениям Никтея, оказался не таким уж захудалым городишкой и там нашлось достаточно число храбрых воинов. В решительном сражении те сумели добиться победы. Успех, однако, достался им нелегко. С обеих сторон было много убитых и раненых. Оба царя, не щадившие себя на поле битвы, также получили раны: кадмейский – тяжелую, а сикионский – полегче. По возвращению домой, Никтею стало совсем худо. Чувствуя приближение смерти, он призвал к себе брата Лика и сказал ему: "Все, что у меня есть: войска, сокровища и царскую власть я завещаю тебе! Но в придачу к ним ты должен взять мою ненависть! Поклянись, что не оставишь без кары преступление Эпопея и примерно накажешь мою дочь!" Лик поклялся в присутствии многих свидетелей, и когда Никтей умер, стал вместо него царем.

Кадмейцы готовились к новому походу, как вдруг пришла весть о смерти Эпопея – он ненадолго пережил своего врага и умер от раны, на которую сначала не обратил внимания. Новым царем в Сикионе стал Ламедон. Он не собирался воевать из-за Антиопы и охотно согласился вернуть ее родственникам. Лику не стоило большого труда исполнить свою клятву. Так спустя год дочь Никтея вновь оказалась на родине. Но как не походила ее теперешняя жизнь на прежнюю! Жена Лика, царица Дирка, давно уже ненавидела Антиопу за ее красоту, кротость и нежность. Прежде ей приходилось глубоко прятать свои чувства, зато теперь она дала им полную волю. Как только несчастная оказалась в ее руках, царица сорвала с нее дорогие платья и украшения, а взамен дала всякую рвань, которая едва прикрывала тело. Царевне пришлось выслушать тысячи упреков и оскорблений, а также обвинений в самых разных грехах и пороках. Нечего и говорить, что она их совсем не заслужила. Но Дирка была на этот счет другого мнения.

– Ты позор нашей семьи! – твердила она чуть ли не каждую минуту.

– В чем же моя вина, тетушка? – спросила однажды Антиопа.

– Замолчи, бесстыжая! – зашипела в ответ царица. – Лучше вспомни отца, которого ты свела в могилу!

От этих слов Антиопа горько заплакала. Ах, как ей было тяжело! Но жестокой Дирке мало было тех мук, на которые она обрекла племянницу своего мужа. Когда кадмейцы проезжали через Киферон у Антиопы родились два маленьких сыночка. Мальчики были такие милые, что вид их мог тронуть даже каменное сердце, но на Дирку он не произвел никакого впечатления. Наоборот, она сделалась еще злее.

– Возьмите эту нечисть, – закричала она, едва взглянув на детей, – и бросьте их в лесу на корм диким зверям!

Антиопа со слезами умоляла ее пощадить новорожденных.

– Вот еще! – отвечала царица. – Или ты думала, я явлюсь в Кадмею с отродьем Эпопея?

И ее бесчеловечное приказание было в точности исполнено – слуги отнесли близнецов в густой лес и оставили там на верную смерть! Сердце бедняжки Антиопы было навсегда разбито этим ужасным зрелищем. Больше никто и никогда не видел царевну веселой, не слышал ее серебристого смеха и пения. Вид у нее был такой, словно она испуганно сжалась перед ударом и никак не может прийти в себя. Впрочем, удары на самом деле градом сыпались на нее со всех сторон. Ведь Дирка имела над ней полную власть и пользовалась ею для того, чтобы без конца мучить несчастную. В Кадмее ей отвели для жилья какую-то жалкую каморку, ее поднимали чуть свет и заставляли делать самую тяжелую и непосильную работу. И хотя Антиопа старалась прилежно исполнять свои обязанности, она не получала в ответ ни благодарности, ни доброго слова, и слышала одни только попреки и ругательства. И так продолжалось много лет...

Между тем сыновья Эпопея не погибли. В тот день, когда близнецы появились на свет, на Кифероне пас свое стадо один пастух. При виде злой царицы он спрятался в густом кустарнике и сидел тихо-тихо. Из своего убежища он слышал и видел всех, а о его присутствии никто не догадывался. После того как Дирка и ее свита уехали, пастух поспешил в лесную чашу и взял малышей себе. "Негоже, чтобы звери ели царских детей! – проворчал он. – Если ими гнушаются во дворце, они найдут приют у меня". Одного из близнецов он назвал Зетом, а другого – Амфионом. С тех пор они воспитывались в его доме. Ни они сами, ни кто другой не ведали о том, кто были их родители. Пастух крепко держал язык за зубами. А как же иначе? Прознай Дирка о том, что сыновья Антиопы живы, она бы непременно погубила их. Да и сам пастух в этом случае едва ли мог избежать ее мести. Когда братья выросли, Зет стал могучим воином и отважным охотником. Он всех превосходил силой и ловкостью и более всего в своей жизни любил охоту. Всякий, кто знал Эпопея, сказал бы, что Зет целиком пошел в отца. Зато Амфион очень походил на мать. Он был тихий, кроткий и задумчивый. Всем занятиям он

предпочитал игру на кифаре, из которой научился извлекать дивные, божественные звуки. Случалось, Зет и Амфион заходили по делам в Кадмею и даже несколько раз мельком видели Антиопу. Но они не обращали друг на друга внимания. Однако пришел день, когда тайна их происхождения раскрылась. Вот как это произошло.

Как-то раз Дирка по-особенному жестоко и несправедливо обошлась с Антиопой и заключила ее за какой-то незначительный поступок в сырой и темный подвал. Дело проходило в день дионисий. Сторож Антиопы был сильно навеселе и однажды, выходя от нее, забыл запереть дверь. Когда царевна заметила его оплошность, она подумала: "Я терплю столько мук в этом дворце, что жизнь в лесу среди диких зверей могла бы стать для меня облегчением". Она потихоньку выбралась из своей темницы и отправилась к Киферону – ей захотелось еще раз побывать на том месте, где умерли (так она думала!) ее сыновья. Но за столько лет многое изменилось. Блуждая по горам, Антиопа вскоре заблудилась и случайно набрела на толпу кадмейских женщин, которые, как это обычно было в дни дионисий, справляли в лесу буйный праздник. Во главе менад была сама царица Дирка. Увидев Антиопу, она громко закричала: "Боги послали нам жирную олениху! Ату ее! Ату!" Обезумевшие женщины бросились за Антиопой и едва не разорвали ее на части. Из последних сил добежала она до пастушеской хижины – той самой, в которой жили ее сыновья.

Старый пастух и близнецы были дома.

– Молю вас, защитите меня! – со слезами попросила Антиопа. – Избавьте меня от ужасной смерти!

– Кто ты? И от кого спасаешься бегством? – спросил Амфион.

Антиопа молчала, потому что не знала, как себя назвать. Истомленная непосильными трудами, одетая в драное, плохонькое платье, она больше походила на рабыню, чем на царевну. И тут на поляне появилась Дирка, растерявшая во время погони своих спутниц. Увидев царицу, братья почтительно поклонились.

– Спасибо вам за то, что вы задержали мою рабыню, – важно промолвила она. – Это гадкая негодная женщина обворовала меня и даже покушалась на мою жизнь! Мой муж, царь Лик, приговорил ее к смерти, но мерзавка умудрилась бежать из города!

Несчастливая Антиопа стояла, опустив глаза и не смела даже слова сказать в свою защиту. Да и что были ее оправдания против обвинений царицы!

– Эта женщина молила нас о защите, – сказал Зет, – но коли она такая дрянь, как вы говорите, об этом не может быть и речи – берите ее и делайте с ней что хотите!

Довольная Дирка схватила Антиопу за волосы и поволокла прочь. Но едва она скрылась из глаз, старый пастух опустился на землю и со стоном воскликнул:

– О дети! Великий грех мы совершили! Боюсь достанется нам всем: мне от Зевса, а вам – от Эриний!

– Да что ты такое говоришь, отец? – удивились братья. – Разве это грех выдать преступную рабыню хозяйке? И при чем здесь эриний?

– То-то и оно, что вы ничего не поняли! – продолжал охать старик. – Женщину, которой вы отказали в защите, зовут Антиопа. Она не рабыня, а природная царевна, дочь царя Никтея! Дирка ей никакая не хозяйка. Но самое главное в том, что она ваша мать, а я так вовсе не ваш отец! Вот и выходит, что ни в одном вашем слове нет правды!

И он поведал изумленным братьям историю жизни Антиопы, которая нам уже известна. Едва Зету и Амфиону стало ясно, что они отдали свою мать во власть ее мучительницы, они со всех ног бросились в погоню, настигли жестокую царицу и вырвали у нее Антиопу. Вслед за ними подбежал пастух и рассказал женщинам о том, как он спас брошенных в лесу младенцев.

Так вот из чьих рук получила она избавление! Антиопа сквозь слезы смотрела на двух прекрасных, могучих юношей. Ее сыновья живы и стоят перед нею! От радости она едва не лишилась чувств. И в то время, как добрый Амфион утешал и успокаивал ее, Зет уже думал о мщении. Велев брату внимательно следить за Диркой, он отправился в лесную чашу и вскоре воротился, волоча за рога огромного дикого быка. Могучий зверь гневно мычал и вращал наливыми кровью глазами, но не мог освободиться из цепких рук.

– Ты замышляла зло против нашей матери и едва не сделала нас виновниками ее гибели! – сказал Зет царице. – Но, к счастью, боги раскрыли нам глаза, и теперь твой черед готовиться к смерти!

– Да падут твои злодеяния на твою голову! – добавил Амфион.

С этими словами братья привязали злую царицу к рогам быка, а потом отпустили его.

Бешено мотая головой, зверь бросился в лес, унося на себе Дирку. На каждом встречном дереве и на каждом камне оставлял он кусок ее тела и не успокоился до тех пор, пока не разорвал ее на клочки...

Никто не жалел о смерти злой царицы, кроме ее мужа Лика. Но и тот не смог причинить братьям никакого вреда. Его правление давно сделалось ненавистным для кадмейцев. Они и терпели его только потому, что не знали, кем заменить. Однако теперь, как только жителям стало известно, что Зет и Амфион не простые пастухи, а природные царевичи – сыновья Эпопея и Антиопы – они тотчас захотели сделать их своими царями. Никто больше не выполнял приказаний ненавистного Лика, и тот счел за лучшее бежать из города. И надо сказать, он поступил очень благоразумно: неизвестно, чем могло все кончиться, попытайся он отстаивать свои права! Так, совершенно неожиданно для себя, Зет и Амфион сделались правителями богатого Кадмейского царства.

Фива и Ниоба

Заняв кадмейский престол, братья Зет и Амфион тотчас принялись обносить город крепостной стеной. По правде сказать, это давно следовало сделать. Ведь со времен Кадма город порядочно вырос, его население увеличилось во много раз. Старые стены сделались малы и защищали только верхнюю часть Кадмей, ту, что прилегала к царскому дворцу. По призыву братьев горожане дружно взялись за дело. Молодые цари не остались в стороне от общих забот: могучий Зет сам таскал на плечах огромные каменные глыбы, а Амфион извлекал из своей кифары такие дивные звуки, что камни сами собой складывались в высокую несокрушимую стену. Еще до завершения работ Зет женился на очень милой и славной девушке по имени Фива. Он души не чаял в своей молодой жене и пожелал дать городу новое название в ее честь. Амфион не стал с ним спорить. С тех пор столица Беотии стала именоваться Фивами. Только внутренняя крепость называлась по-старому Кадмеей.

Поначалу царствование братьев было очень счастливым. Зет, как уже говорилось, взял в жены местную девушку Фиву. Амфион женился на лидийской царевне Ниобе. Сама Антиопа, к которой вновь вернулась ее красота, сделалась женой коринфского царя Фока. Братья оказались мудрыми и справедливыми правителями. Жители Фив были очень довольны своим выбором и молили богов только об одном: чтобы царствование Зета и Амфиона продлилось как можно дольше, и чтобы престол после них наследовали их дети и внуки. Но, увы, этим надеждам не суждено было сбыться, и виной тому стали царские жены.

Ниоба, прибывшая из богатой восточной страны, привезла с собой много дорогих и изящных вещей, о которых простые нравом беотийцы до этого и слыхом не слыхивали. А сколько было у нее золотых колец, изукрашенных драгоценными камнями заколок для волос, искусно

сделанных браслетов и хитро сплетенных цепочек! Сколько серег, дорогих гребней и зеркал! О платьях из тонких заморских тканей и искусно сделанных сандалиях даже упоминать не стоит. Их хватило бы на половину фиванских женщин. Да, не много найдется невест с таким богатым приданным! Что касается связей и знатности рода, то и здесь Ниобе было чем гордиться.

Она ведь считалась внучкой Зевса, и вся Греция знала, что ее отец Тантал запросто бывает на Олимпе и пирует за одним столом с богами!

Вместе с Ниобой в Фивы приехала целая сотня рабынь и столько же вышколенных слуганок. С их появлением жизнь в царском дворце совершенно переменялась; любое, даже самое простое дело исполнялось теперь с такой чопорностью и церемонностью, что каждому сразу становилось ясно: во дворце поселилась настоящая царица! А какая величественная походка была у Ниобы! Как важно и значительно было каждое произнесенное ею слово! Как она умела одним поворотом головы, одним только движением глаз осадить человека и поставить его на место. Тут уж берегись! Даже самые отважные и находчивые люди чувствовали перед ней невольную робость. Мягкий и уступчивый Амфион вскоре оказался в полной власти своей жены: он смотрел на все ее глазами, слышал ее ушами и даже думал ее мыслями. Зету это совсем не нравилось, однако и он должен был считаться с Ниобой. Она была очень властной женщиной и умела настоять на своем.

С появлением Ниобы жизнь другой царицы, Фивы, превратилась в постоянный кошмар. Жена Амфиона не терпела никакого соперничества и потому старалась всячески унижить свою невестку. Поводов к тому находилось бесконечное множество: и предки у Фивы не знатные, и сама она ни слова сказать ни пройти по-царски не умеет, и муж ее человек недалекий. Но больше всего Ниоба уязвляла Фиву разговорами о своих детях. Ведь и в этом, как и во всем другом, ей необычайно повезло. Чуть не каждый год у нее с Амфионом рождались то девочка, то мальчик. И что это были за дети! Все как на подбор умные, красивые, послушные. Девочки росли скромными и работающими, а мальчики ловкими и отважными. Любая мать позавидовала бы таким детям! А что же Фива? Долгие годы она просила богов даровать ей хотя бы одного ребеночка, но те оставались глухи к ее мольбам. Сколько слез пролила несчастная по ночам, сколько насмешек выслушала от своей более удачливой соперницы! Наконец, счастье, казалось, улыбнулось и ей. В тот год, когда Ниоба родила своего седьмого сына Илионея, у Фивы тоже родился мальчик, названный Итилом. Однако и тут царицу ждало горькое разочарование! В то время, как Илионей родился крепким и здоровым, Итил оказался слабеньким и хромым. Жизнь едва теплилась в его маленьком тельце, даже сосать он как следует не умел и, сделав несколько глотков, в бессилии отпускал грудь кормилицы. Все, у кого осталась хоть капелька сострадания, жалели Фиву. Одна Ниоба открыто радовалась ее горю и даже не пыталась этого скрыть. Явившись поглазеть на сына невестки, она громко сказала своим слуганкам: «И это все, на что способна Фива? Стоило стараться столько лет, чтобы произвести на свет такого жалкого уродца! Надеюсь, боги будут к нему милосердны, и приберут дитя еще в младенчестве. Не хватало в нашем роду калек!»

Каково было слышать это бедняжке Фиве? Много лет она терпеливо сносила насмешки Ниобы, но теперь ее сердце было переполнено горечью и обидой. Разве не достойна она лучшей доли? Ведь, право, не так уж много просила она у богов – всего лишь одного ребеночка, и в том ей было отказано! Разве справедливо, что все радости в жизни достаются одной только Ниобе? О, как ненавидела она ее в эту минуту! «Я убью ее! – прошептала несчастная, – и рука у меня не дрогнет!». Однако через минуту эта месть показалась Фиве слишком слабым утешением. «Нет, я не буду убивать Ниобу, – решила она. – Я оставлю ей жизнь, но заставлю испытать все муки и страдания, через которые прошла сама! Я нанесу ей самую страшную и болезненную

рану – я убью ее новорожденного сыночка, которым она так гордится!» Бедная женщина! Как видно рассудок ее помутился от горя, раз она могла решиться на такое злодеяние!

Поздно ночью, когда все во дворце заснуло, Фива тихо выскользнула из своей постели, пробралась на кухню и взяла там острый нож, служивший для разделки мяса. Затем, также бесшумно ступая, она поднялась на верхний этаж, в детскую, подошла к колыбели, в которой днем лежал Илионой, и вонзила нож в спящего младенца... Негнущимися пальцами она разожгла огонь и поднесла светильник к лицу убитого. Какое страшное открытие ожидало ее! То ли по недосмотру, то ли по чьему-то приказу, нянька поменяла детей в колыбелях. Так что, желая покарать соперницу, Фива убила своего собственного ребенка! С громким криком она бросилась вон из дворца и исчезла в ночной темноте. С тех пор больше никто не видел ее ни живой, ни мертвой. Говорят, боги обратили Фиву в соловья. Каждую ночь она взлетает на ветку и заводит печальную песню, вновь и вновь оплакивая своего единственного сыночка...

Зет ненадолго пережил сына. Преступление жены потрясло его до глубины души. Он сделался замкнутым, молчаливым и совсем охладил к делам правления. Каждый вечер он запирался у себя с мехом крепкого вина и топил в нем свою безысходную печаль. От такого времяпровождения здоровье его расстроилось, появились многочисленные болезни. Через несколько лет он умер, хотя был еще совсем нестарым человеком. Амфион продолжал править страной один и послушно исполнял все желания Ниобы. После смерти Зета царица окончательно прибрала власть к своим рукам. Однако, увы, это всевластие не пошло на пользу ни ей самой, ни ее дому.

Как-то раз пророчица Манто объявила фиванкам: «Всех нас, любезные товарки, призывает на служение великая Латона, мать Аполлона и Артемиды! Вплетите в волосы ветви лавра, возьмите в руки ладан и спешите к алтарям богини, которая обращается к вам моими устами!» Богобоязненные женщины Фив тотчас отложили все дела, возложили на головы венки, украсили свежей листвой алтари и воскурили на них ладан. Они были заняты этим благочестивым делом, когда появилась Ниоба. «Что за нелепость, – воскликнула царица, – воздавать божественные почести Латоне! С чего вы взяли, и кто вам сказал, что она достойна такой чести?» Смущенные фиванки указали ей на Манто. «Нашли кого слушать, – с досадой продолжала Ниоба. – Раскинули бы лучше мозгами и рассудили здраво, кто она такая ваша Латона – жалкая бродяжка, которая и детей-то родила тайком, укрывшись на Делосе. И что ее двойня против моих четырнадцати детей! Желаете воздавать должное родительницам? Так воздавайте мне! Или я этого не заслужила? Если хотите знать, то Латона против меня просто бездетная самозванка, присвоившая славу, которая ей не принадлежит!» Этими сердитыми речами Ниоба разогнала всех женщин, не дав им завершить обряда. Фиванки разошлись по домам испуганные и смущенные, ожидая неминуемого возмездия. И они не ошиблись!

В тот же день ужасная скоротечная болезнь посетила царский дворец. Сначала она поразила сыновей царицы. Их цветущая юность и крепкое здоровье оказались бессильны перед леденящим дыханием смерти, и все они один за другим скончались на руках матери. Затем зараза перекинулась на дочерей Ниобы. К утру недуг сразил их всех, так что из четырнадцати детей, у нее не осталось ни одного. Никто в городе не сомневался, что это месть рассерженной богини. Говорили, что Латона послала в Фивы Аполлона и Артемиду, которые перебили царских детей своими невидимыми стрелами.

Жестокая утрата оказалась не по силам Амфиону. Враз лишившись всех детей, он не пожелал дальше жить и пронзил свою грудь мечом. Смерть и разрушение всегда печальны. Но

вдвойне, втройне печальней видеть полное крушение дома, еще вчера счастливого, богатого, многолюдного, наполненного смехом и детскими голосами, а теперь холодного, мрачного и безмолвного! Каково было Ниобе лишиться всего враз и сознавать при этом, что она сама стала причиной своего несчастья! Безмолвная, постаревшая стояла она на вершине высокой скалы и тупо смотрела вдаль... Прошел день, наступила ночь. Никто из слуг не смел приблизиться к царице, чтобы отвести ее во дворец. Ее оставили одну, а утром уже не нашли на прежнем месте. Подобно Фиве она исчезла без следа...

Зато в Лидии, на горе Сипил появилась высокая скала, чем-то напоминающая человеческую фигуру, которая словно бы плачет, когда от солнечных лучей на вершине начинает таять снег. Если вы заинтересуетесь изваянием, и спросите о нем, вам обязательно ответят: «Это Ниоба. Она окаменела от горя и теперь обречена вечно оплакивать своих детей!» Странная фантазия, скажете вы. Но разве могла быть у этой женщины другая судьба?

После смерти Зета и Амфиона фиванцы стали искать себе нового царя и вспомнили о потомках Кадма. Лабдак, сын Полидора, к этому времени уже умер, но оказалось, что в Элиде, у царя Писы Пелопа, живет его юный сын Лаий. Горожане решили пригласить его на царствование и снарядили к Пелопу своих посланцев.

Глава VI. Элида и Фивы

Эндимион и его потомки

Греки проникли в Элиду из Фессалии. Их привел сюда внук Эола юный Эндимион. Он был женат на Астеродии, родившей ему троих сыновей: Пэона, Эпея, Этола, а также дочь Эвридику. Однажды ночью спящего Эндимиона увидела Луна-Селена. Она была так очарована его красотой, что похитила юношу и перенесла его в Карию, в пещеру на горе Латмос. От ее поцелуев Эндимион впал в глубокий беспробудный сон, в котором ему предстоит пребывать до скончания веков. Греки верили, что каждую ночь, завершив свой путь по небосклону, Селена спускается в Латмийскую пещеру и нежно целует своего возлюбленного. Он также прекрасен, как сотни лет назад, на нежных щеках его играет румянец, с губ слетает тихое дыхание, но он ничего не чувствует и не слышит обращенных к нему слов любви.

Когда сыновья Эндимиона подросли, то стали спорить о власти. Наконец они решили устроить состязание в беге и передать царство тому, кто окажется победителем. Эта честь выпала на долю Эпея. После его смерти престол перешел к Этолу, который правил совсем недолго. Однажды во время скачки он случайно сбил колесницей одного из зевак, оказавшегося на его пути. Этот несчастный случай сочли за убийство, и Этолу пришлось бежать из Пелопоннеса в страну, получившую по его имени название Этолии. После него царем стал Элей, сын Эвридики и внук Эндимиона. Тогда же жители страны начали прозываться элейцами. Сыном Элея был знаменитый на всю Грецию Авгий. Он владел таким огромным количеством быков, что большая часть страны у него оставалась невозделанной из-за куч навоза. Впрочем, царство Авгия не включало в себя всей Элиды. Пришлые греки жили тогда в основном в Келеэлиде и Трифилии. У кавконов было свое царство, а у писатов – свое.

Пелоп

1.

В Сипиле, в большом лидийском городе на побережье Малой Азии, правил царь по имени Пелоп. Он был очень богат и владел множеством сокровищ. Жить бы ему поживать в своем царстве, не зная горя и печали, но вот беда – его сосед, могущественный царь Трои, собрал большую армию и напал на сипилские владения. Что поделаешь – всегда находились охотники до чужого добра! «Если я ввяжусь в войну, то скорее всего потерплю поражение и лишусь

всего, что имею, – сказал себе Пелоп, – не лучше ли поискать счастья в другом месте?» Он велел нагрузить свои корабли всем необходимым, взял с собой столько золота, сколько мог увезти, и отплыл на запад.

Ветер был попутный. Вскоре суда лидийцев оказались у берегов Греции. «Теперь будьте внимательны, – приказал Пелоп своим спутникам. – Помните, что мы ищем для себя новую родину!» И сипильцы смотрели во все глаза, ведь никто из них не желал жить до скончания лет в каком-нибудь дурном месте. Много они посетили городов и островов, но все они казались им недостаточно хорошими. Так, спустя какое-то время, царь добрался до устья реки, на живописных берегах которой раскинулся большой красивый город. Река звалась Алфеем, а город – Писой. Пелоп велел своим людям купить на рынке мяса и овощей в дорогу, а сам отправился бродить по улицам – ему хотелось послушать, о чем говорят местные жители. Он поступал так в каждом встречном городе и был в курсе новостей всех прибрежных греческих городов, однако здешние уличные пересуды показались ему самыми необычными.

– Послушай, друг, – обратился он к одному прохожему, – я не возьму в толк, что у вас здесь творится? Отчего вы так дружно осуждаете вашего царя и жалеете царевну?

– Оттого, чужеземец, – отвечал писидиец, – что наш царь Эномай выдумал неслыханное и жестокое испытание для всех, кто пожелает взять в жены его единственную дочь Гипподамию: каждый жених должен состязаться с царем в скачках на колесницах. И тот, кому удастся обогнать Эномай, тотчас станет мужем Гипподамии, да еще получит в придачу все наше царство! Однако проигравшего ждет верная гибель – всех, кого Эномай настигает во время скачки он безжалостно убивает!

– Много стран я объехал, но нигде не слышал о таком обычае, – удивился Пелоп. – А ваша царевна, какова она?

– Суди сам, – сказал его собеседник и указал на статную девушку, краше которой Пелоп в жизни своей не видел. Она как раз проезжала по улице в роскошной царской колеснице и смотрела печальными глазами на снующих вокруг людей. На мгновение ее взгляд задержался на Пелопе, и тот почувствовал, как гулко забилось его сердце. Теперь он понял, что заставляло женихов со всего света искать ее руки, не взирая на грозившую им смертельную опасность!

2.

Задумчивый вернулся Пелоп на корабль и тут же приказал своим людям: «Приготовьте праздничные одежды и отберите среди моих сокровищ подарки получше. Я иду к здешнему царю, чтобы посвататься к его дочери!» Сипильцы стали отговаривать Пелопа от этого гибельного решения, но все было тщетно. В тот же вечер он отправился во дворец, постучал в ворота и велел доложить о себе как о новом женихе Гипподамии. Его провели в большую, богато украшенную залу, где толпилось множество придворных. Эномай восседал на резном, золоченном троне. Прекрасная Гипподамия сидела рядом, поскольку жених должен был видеть свою избранницу.

Царь Писы, на вид очень живой, общительный человек, принял Пелопа весьма доброжелательно. «Что ж, дорогой гость, – сказал он царевичу после того, как они обменялись приветствиями, – можешь не тратить лишних слов: я знаю, что ты без памяти влюблен в мою дочь и готов рискнуть ради нее всем, даже своей головой». Пелоп молча кивнул. Он не сводил глаз с царевны, которая была чудо как хороша! «Не может быть, чтобы она стала причиной моей смерти», – подумал он. Эномай между тем изложил условия состязания. Они были очень просты. Каждый участник скачки должен был явиться завтра утром со своей колесницей, запряженной четверкой коней к алтарю Зевса Воителя на другом берегу Алфея. По данному знаку Пелоп и Гипподамия могли сразу отправляться в путь, в то время как Эномай со своим воз-

ничим Миртилом сначала приносили жертву Зевсу. («Согласись, – заметил царь, – что я даю тебе порядочную фору! Пока мы будем заняты жертвоприношением, ты успеешь доскакать до границ Элиды»). Победителем считается тот, кто первым окажется у жертвенника Посейдона на Истме. «Если ты будешь там раньше меня, – продолжал Эномай, то бери себе Гипподамию, а заодно и все мое царство. Но знай: возможно, мне удастся вас настигнуть. Тогда я всажу тебе в сердце вот это копьё! Не обижайся, если после этого ты умрешь, ведь я обо всем предупредил тебя заранее!» Пелоп отвечал, что согласен. На том и порешили.

Поскольку с формальностями было покончено, начался пир с танцами. Все веселились так, словно справляли свой лучший день рождения. Гостей обносили сладостями, вином и медом. То и дело произносились заздравные речи. Эномай непринужденно шутил с Пелопом и рассказывал ему смешные истории. Одна Гипподамия сидела бледная и безмолвная. Когда Эномай поднялся и удалился в свои покои, Пелоп наклонился к ее уху и спросил:

– Отчего ты так невесела? Скажи правду: я тебе не нравлюсь?

– Несчастный! – отвечала царевна. – Неужели ты не понимаешь, что завтра на моих глазах ты умрешь, и ничего, ничего, ничего не сможет тебя спасти... разве только... хитрость!

– Хитрить нехорошо, – возразил Пелоп, – а я хочу честной победы!

Вместо ответа Гипподамия увлекла его прочь из праздничной залы и повела за собой по темным коридорам. Они вышли на улицу и оказались в саду. Ну и местечко был этот сад! На каждом дереве здесь висел подвешенный за ноги истлевший труп, к стенам дворца были прибиты черепа с оскаленными зубами, а арки украшали узоры, сложенные из отрубленных человеческих рук. Бедняга Пелоп сообразил, что все это останки его предшественников – несчастных женихов Гипподамии, в разное время убитых Эномаем, – и ему стало не по себе. – Честно победить моего отца невозможно! – сказала Гипподамия. – Поверь, я знаю, что говорю! Лошади, впряженные в его колесницу, подарены самим богом Аресом. Они легки как ветер, и даже быстрее, чем ветер! Завтра мой отец настигнет тебя и сразит своим незнающим промаха копьем, а потом повесит твое тело вон на том дереве (видишь, там уже приготовлен крюк). Я же до самой смерти останусь старой девой и никогда, никогда не выйду замуж!

– Неужели все так печально? – спросил пораженный Пелоп.

– Есть только один человек, способный нам помочь, – отвечала Гипподамия, – это возничий моего отца Миртил! Постарайся сделать так, чтобы завтра он был на нашей стороне. Иначе это будет последний день в твоей жизни!

По уходу Гипподамии Пелоп еще долго сидел в саду и слушал стук человеческих костей, громко ударявшихся друг о друга при каждом дуновении ветра. Собравшись с мыслями, он решил последовать совету царевны, отправился на конюшню, разыскал возничего Миртила – маленького щедедушного человечка с глубоко посаженными пронзительными глазами – и попросил у него помощи.

– Мне нет дела до твоих проблем, – отвечал Миртил. – С чего ты взял, что меня интересует твоя судьба? Мы и видимся с тобой в первый раз.

– Ты сам не понимаешь своей выгоды, – возразил Пелоп, – что ты будешь иметь от победы Эномая? Ничего! Но если царем стану я, ты сможешь потребовать у меня в награду все, что пожелаешь!

Глаза Миртила загорелись.

– Любое мое желание, – спросил он, – будет исполнено? Ты готов в этом поручиться?

– Клянусь своим счастьем, а также счастьем моих будущих детей, внуков и правнуков! – пообещал Пелоп. (Он поклялся именно так, слово в слово, ведь ему очень хотелось, чтобы Миртил ему поверил.)

Возничий задумался, потом кивнул в знак согласия и тут же на глазах Пелопа вынул бронзовые чеки, крепившие колеса на колеснице Эномая. А чтобы его проделка осталась незамеченной он залепил отверстия в оси воском. Так Пелоп получил некоторую надежду на успешное окончание состязаний.

На другой день, как и было условлено, противники встретились у жертвенника Зевсу Воителю. В колесницу Пелопа была впряжена четверка великолепных лошадей, однако они не шли ни в какое сравнение с волшебными кобылами Эномая. Вот уж были кони так кони! Казалось, во время бега они вообще не касаются земли, а мчатся прямо по воздуху. Царь велел своей дочери взойти на колесницу Пелопа и разрешил ему трогать. Царевич не стал медлить, хлестнул лошадей и тотчас исчез из виду. Только клубы пыли остались над дорогой...

Сипильские кони мчались во весь опор, но кони Эномая летели втрое быстрее. Не успел Пелоп проехать и половину дистанции, как услышал за своей спиной грохот колесницы соперника. Царь догонял, и с каждым мгновением расстояние между ними уменьшалось. «А вот и я! – закричал Эномай. – Не ждали меня так скоро?» Гипподамия побледнела как полотно и стала молить богов о помощи. Пелоп неистово хлестал лошадей. Но все тщетно! Царевич уже чувствовал за спиной горячее дыхание четверки Эномая! Царь занес копье, чтобы всадить его в самое сердце жениху своей дочери, но в этот момент Миртил ловко направил колесо колесницы на валявшийся у дороги камень. Курык! Колесо со стуком слетело с оси. Эномай не удержал равновесия и грохнулся на всем скаку на землю. Он никак не ожидал, что дело кончится таким образом! Миртил тоже не устоял в колеснице, но отделался ушибами и царапинами. А вот Эномаю не повезло – он разбился насмерть. Его черная злая душа, стена отлетела в мрачное царство Аида. И поделом! Так он поплатился за свои многочисленные злодеяния.

3.

Никто в Писе не жалел о смерти Эномая. Все славили молодого царя, который по окончании траура женился на Гипподамии и зажил очень счастливо – не хуже, чем у себя на родине в Сипиле. Но дело этим не кончилось. Однажды Пелоп и Гипподамия отправились на прогулку. Миртил направил колесницу к берегу моря. Они были втроем, и ничего не мешало их откровенному разговору. – Я думаю, царь, – сказал возничий, – свершилось все, чего ты желал.

– Благодаря тебе, друг, – отвечал Пелоп, – я этого не забыл.

– Тогда, – промолвил Миртил, – ты должен исполнить мое желание.

– Разумеется, – с готовностью отозвался Пелоп, – в моем царстве много прекрасных пастбищ, на которых пасутся отары тучных овец. У меня есть много богатых имений, полных разнообразной утвари, много сокровищ. Ты можешь взять все, что пожелаешь...

– Мне ничего этого не нужно! – перебил Миртил.

– Понимаю, друг, – сказал Пелоп. – Если ты желаешь, я могу сделать тебя своим министром или дать другую должность...

– Я не интересуюсь политикой, – ответил Миртил.

– Так чего же ты хочешь? – удивился Пелоп.

– Ты обещал исполнить любое мое желание, – напомнил возничий, – так вот, я хочу получить в качестве награды твою жену Гипподамию!

При этих словах царица испуганно прижалась к мужу. Она ведь совсем не хотела становиться женой возничего! Впрочем, Пелоп и сам не собирался ее уступать. Он очень рассердился.

– Никогда, – воскликнул он гневно, – никогда ты не получишь ее!

– Но ты обещал! – стоял на своем Миртил, – ты поклялся!

– Ты не имел права истолковывать мои слова таким образом! Это нечестно!

– А мне нет дела до чести! – разгневался в свою очередь Миртил. – Многие годы я безответно любил эту женщину! Хочешь ты того или нет, но она станет моей!

Он размахнулся и ударил Пелопа по лицу. Царь кубарем полетел с колесницы. Миртил схватил повод и хотел ускакать с Гипподамией, но та повисла у него на руках. Поводья натянулись, и лошади замедлили свой бег. Пелоп уже спешил на помощь жене. Он догнал похитителя, схватил его за шиворот и словно мешок с тряпьем бросил на землю. Колесница как раз выехала на обрывистый берег. Миртил покатился вниз и упал с высокой скалы на острые камни. Когда царь и царица спустились к нему, он уже умирал. Глаза его светились ненавистью, а последними словами стали проклятья. «Клятвопреступник! – прошептал он Пелопу. – Будь ты проклят! Никто из твоих потомков не узнает счастья! Жаль, я не увижу ваших мук!» Он тяжело вздохнул, вытянулся и замолк...

Вечером Гипподамия и Пелоп вернулись во дворец подавленные и испуганные. Миртила тихо похоронили (его смерть приписали несчастному случаю). Жизнь царской четы потекла по-старому, но в ней никогда уже не было прежней радости. Пелоп и Гипподамия знали, что отныне над их родом тяготеет тяжкое проклятие, и во всей вселенной нет силы, способной избавить от него ни их самих, ни их потомков...

Хрисипп

Царь Писатиды Пелоп был могущественным владыкой. Он правил долго и успел значительно расширить свои владения. Все его дети пользовались большим влиянием: дочери стали женами самых уважаемых граждан, а сыновья основали несколько новых городов. (Так дочь Пелопа Никиппа вышла замуж за царя Тиринфа Сфенела; его сын Питфей перебрался в Аргolidу и основал здесь город Трезен). Благодаря своему богатству и поддержке детей Пелоп считался сильнейшим царем на всем полуострове. Как раз тогда по его имени полуостров и получил свое нынешнее название «Пелопоннес», что значит «Остров Пелопа», а до этого был известен как Пеласгиотида.

Многие завидовали Пелопу, и со стороны могло показаться, что царь счастлив. Однако это было не так! С того дня, когда на него обрушились проклятия Миртила, любовь Пелопа к Гипподамии начала убывать и делалась с каждым годом все слабее и слабее. Через несколько лет он сам не мог поверить в то, что когда-то так безрассудно рисковал ради нее жизнью. Зато царь полюбил юную девушку Аксиоху, родившую ему сына Хрисиппа. Пелоп души в ней не чаял, но жениться на Аксиохе не мог – тогда бы ему пришлось отказаться от Писидийского царства (царство считалось приданным Гипподамии), а этого ему не хотелось. По требованию писатов, царь отослал Аксиоху из столицы, но ее сын воспитывался вместе со своими сводными братьями – близнецами Атреем и Фиестом. Царь перенес на Хрисиппа любовь, которую питал к его матери: был с ним неизменно ласков, дарил много подарков и всегда ставил в пример братьям. Все это очень не нравилось Атрею и Фиесту. А Гипподамия вообще терпеть не могла Хрисиппа. «Погодите, – твердила она сыновьям, – он еще и царство у вас уведет. Что будете делать, если отец объявит этого безродного подкидыша своим наследником?»

Вот какая жизнь была у Хрисиппа! Братья с ним не водились. Мачеха желала ему только зла. Приходилось ему самому выдумывать игры и играть в них одному. Когда он подрос, в Писе поселился фиванский царевич Лайй (сын Лабдака, внук Полидора, правнук Кадма), изгнанный из своей страны. Лайй был ровесником Атрею и Фиесту, но те не очень его жаловали – он ведь был безземельный бедняк и едва ли мог мечтать о своем собственном царстве. Что оставалось делать Лайю? Он считал, что в его положении поддержка могущественного писидийского царя очень даже не повредит. Чтобы заслужить любовь Пелопа он много времени проводил с Хри-

сиппом. Мальчик очень привязался к гостю, особенно после того, как тот обучил его управлению колесницей.

Как-то в Пису пришло известие, что тиринфский царь Сфенел организует большое состязание колесничих. Все желающие (а в их числе было немало царей и царевичей) могли принять в них участие и порадовать присутствующих своим искусством. Атрей и Фиест тотчас засобирались в путь. Они мечтали победить всех и взять первые призы. К тому же Сфенел не был им чужим – замужем за ним была их сестра Никиппа.

– Возьмите и меня с собой! – попросил Хрисипп.

– Вздор! – отвечали братья. – Ты и править как следует не умеешь. Только позориться с тобой!

Они уехали, а Хрисипп побежал к отцу и стал отпрашиваться на скачки. Пелопу не хотелось отпускать сына, однако Лаий поддержал мальчика и обещал присматривать за ним.

– Хорошо! – неохотно согласился царь. – Я доверюсь тебе, Лаий, но обещай не спускать с Хрисиппа глаз, а по окончании состязаний тотчас привези его обратно.

– Клянусь, – с улыбкой провозгласил Лаий. – Пусть на меня ополчатся все невзгоды, и я не найду счастья в своих детях, если, паче чаяния, я забудусь и не исполню обещания!

Клятва прозвучала очень торжественно, а ведь он хотел только пошутить! Пелоп успокоился и разрешил сыну отправиться в путь.

Скачки удались не славу! Все, кто прибыл на них из дальних концов Пелопоннеса не пожалели о затраченном времени. Но вскоре все состязания были забыты, и причиной тому стала неожиданная перемена в судьбе Лаия. Услыхав, что царевич гостит у Сфенела, в Тиринф приехали послы из Фив. От них присутствующие узнали о гибели царского дома Амфиона и об избрании Лаия новым фиванским царем. Вот это да! Лаий, на которого до этого многие даже внимания не обращали, вмиг превратился в правителя сильного и богатого царства!

Более всех новость ошеломила Атрея и Фиеста. «Как могло случиться, – спрашивали они друг друга, – что бездомный бродяга, из милости живший в нашем доме, сделался вдруг правителем Беотии?» От этих вопросов перешли они к грустным размышлениям о своей собственной судьбе.

– В нашем переменчивом мире нет ничего прочного, – мрачно заметил Фиест. – Возьмем хотя бы тебя и меня. Сейчас все подобострастно ищут нашей дружбы, потому что видят в нас будущих царей Писы. Но если отец провозгласит царем Хрисиппа, кто о нас вспомнит? Хорошо, коли братец позволит нам из милости жить в своем дворце!

– Ну уж нет! – возмутился Атрей. – Этого не должно случиться! Мы будем ничтожными приживалками, достойными своей судьбы, если позволим взять вверх Хрисиппу!

– Все это одни слова, – отозвался Фиест. – Ты не хуже меня знаешь, что вопрос о наследнике решен. Магушка не раз нам об этом говорила. Когда мальчишка подрастет и обзаведется друзьями, мы уже ничего не сможем изменить. Если хотим постоять за себя, надо делать это прямо сейчас!

– Так будем действовать! – сказал Атрей. Братья посмотрели друг на друга и каждый понял, о чем думает другой...

Атрей и Фиест поспешили к Лаию, затесались в толпу льстецов, которая образовалась уже вокруг нового царя и присоединили свой голос к хору похвал и комплиментов.

– Вы отправитесь со мной! – тотчас объявил Лаий. – Я ваш должник, и вы должны разделить мою радость.

Братья не возражали – ведь этого они и добивались!

– Хрисиппа мы тоже возьмем, – сказал Атрей. – Не бросать же его одного!

Тут Лаий вспомнил о своем обещании отвезти мальчика в Пису тотчас после окончания скачек. Но разве время думать о старых клятвах, после того как ты сделался царем? В тот же вечер сын Лабдака поспешно отбыл в свою столицу. Все три сына Пелопа поехали вместе с ним.

Ну и встреча ожидала их в Фивах! Горожане постарались не ударить в грязь лицом перед новым правителем. Танцы, игры и торжественные шествия продолжались несколько дней. Лаий был ужасно занят. Никогда он не думал, что быть царем такое хлопотливое занятие! Сотни новых лиц мелькали каждый день перед его глазами, где тут было уследить за всеми! О своих гостях он вспоминал только перед сном. «А где же Хрисипп?» – спросил он на третий или на четвертый день. Дворцовые слуги стали удивленно переглядываться. О мальчике забыли в общей праздничной суматохе, никто не знал, где он находится. Его старшие братья также удивленно пожимали плечами. Наконец выяснилось, что Хрисиппа не видели с прошлого вечера. Бросились в его комнату, нашли смятую постель, разбросанные вещи... Но где же он сам? Царь велел искать повсюду. Слуги перерыли весь дворец, обшарили город – Хрисиппа нигде не оказалось. Тогда разослали людей в окрестные деревни, расспрашивали о мальчике там и здесь... Все было безрезультатно. Только на третий день тело его нашли на берегу реки. Бедняга каким-то образом оказался в воде и захлебнулся!

Было объявлено, что сын Пелопа сам покончил с собой. Но не все этому поверили! Едва стало известно о смерти Хрисиппа, поползли слухи один причудливее другого. Нашлись и такие, кто винил в его смерти Лаия. Рассказывали, что Хрисиппа чуть не насильно увезли из Тиринфа. Спрашивается зачем, если о нем потом и думать забыли? «Не иначе в этом был какой-то умысел!» – говорили одни. «В это, право, трудно поверить, – возражали другие. – С какой стати Лаий стал бы вредить Пелопу? Ведь тот был его благодетелем!» – «Почем вы знаете, какие между ними были дела? – возражали им. – Говорят, что Лаия в Писе не жаловали. Возможно, у него был повод для мести!»

Все эти слухи не имели никакого основания, но случая оправдаться Лаию не представилось, и обвинения в убийстве Хрисиппа преследовали его потом до самой смерти. В немалой степени тому способствовал Пелоп. Когда в Пису привезли бездыханное тело его сына, несчастный отец послал ужасные проклятия на головы тех, кого он считал его убийцами. «Вероломный Лаий! Жестокосердный Атрей и бесчестный Фиест! – горестно восклицал он чуть ли не каждую минуту. – Чтоб вам никогда не узнать счастья! Пусть ваши дети станут для вас источником неисчислимых бед и страданий, а бессмертные боги взыщут сторицей за это преступление!» Узнав о гневных тирадах отца, близнецы не решились вернуться в родной город и поселились в Тиринфе у своей сестры. Обвинений против них никто не выдвигал, но многие подозревали их в убийстве. Ведь, в отличие от Лаия, у братьев были для этого причины, и не малые!

Рождение Эдипа

Через несколько месяцев после своего воцарения в Фивах Лаий посватался к дочери Менекия, которую звали Иокаста, и получил доброжелательный ответ. (Этот Менекий был очень видный, богатый и влиятельный в Фивах человек; весь город прислушивался к его мнению, и породниться с ним считалось большой честью). В положенный срок сыграли свадьбу. Царская чета поселилась в заново перестроенном дворце, где ничего не напоминало о прежних обитателях. Все шло очень хорошо до тех пор, пока Иокаста не сообщила мужу о том, что у них скоро родится ребенок. Тут в душе Лаия зашевелились опасения. И не мудрено! Как

никак, он был проклят человеком пострадавшим по его вине, а все знают – такие проклятия имеют обыкновения сбываются!

Стараясь рассеять дурные предчувствия Лаий обратился к знаменитому фиванскому прорицателю Тиресию и поведал ему о том, что произошло между ним и Пелопом. Бедный царь! Он от всей души надеялся, что Тиресий его успокоит. Но прорицатель только печально покачал головой. «Все это очень плохо, Лаий! – отвечал он. – Ты клялся непустячными вещами, и слова твои, конечно, были услышаны богинями судьбы! Мальчик, вверенный твоему попечению, погиб в твоём доме. Его отец считает тебя убийцей и проклинает чуть не каждый день! Все идет к тому, что тебя должно постигнуть возмездие. И если ты спросишь, кто будет его орудием, я отвечу тебе без обиняков: нет сомнений, что твой будущий сын станет когда-нибудь причиной твоей смерти!»

Несчастный Лаий! Он не помнил, как распрощался с Тиресием. А когда он шел домой, ему было так тяжело, словно на его плечи взвалили камень величиной с гору. Но эти первые минуты были ничто по сравнению с ожидавшими его муками! Иокаста ничего не знала о страшном пророчестве и упивалась своим будущим материнством. Она радостно щебетала вокруг царя и сводила все разговоры к их будущему сыночку. Ее рабыни были заняты шитьем кружевных распашонок, краснодеревщики трудились над изящной колыбелькой, а сама она вышивала детское покрывальце и весело напевала при этом. У Лаия не хватило духу рассказать ей всю правду. Но он твердо решил погубить новорожденного. За день до того, как у Иокасты должен был родиться сын, во дворец тайком принесли мертвого младенца. Тот умер несколько часов назад и казался спящим. В ту минуту, когда у царицы начались роды, и все служанки забегали вокруг нее, Лаий призвал верного раба и приказал ему: «Едва ребенок появится на свет, принеси его ко мне». Раб исполнил, что ему велели. Как только новорожденный оказался в руках царя, он проткнул ему острой булавкой лодыжки и, крепко связав их, приказал бросить бедняжку в киферонских лесах на растерзание диким зверям. Вместо него в люльку положили мертвого младенца и объявили всем, что царский сын умер! Ах, как убивалась и плакала Иокаста, когда ей сообщили о смерти ее ребеночка! Лаий утешал ее как мог. Но в душе он был несказанно рад тому, что кошмар, в котором он жил последние месяцы, наконец закончился.

Несчастный! Он воображал, что новым злодеянием смог исправить свой прежний проступок. На самом деле царь только сделал первый шаг навстречу своей неизбежной судьбе. Раб, которому было поручено умертвить ребенка, не посмел взять на себя такой грех. Добравшись до Киферона, он повстречал своего знакомого (тот был пастух коринфского царя Полиба) и отдал ему новорожденного с условием, что он никому не расскажет, откуда его получил. Пастух поспешил к своему хозяину и поведал, что нашел в лесу брошенного младенца. Царь позвал свою жену Перибею, они вместе развернули сверток и увидели крошечного мальчика с распухшими ножками. Сердца их тотчас наполнились жалостью.

– Надо же! – воскликнула царица. – Мы столько лет безуспешно молим богов даровать нам ребенка, а у кого-то поднялась рука искалечить свое дитя и бросить его в лесу на верную смерть!

– А может, он не случайно попал к нам? – спросил муж. – Не ответ ли этот на твои молитвы? Хочешь, мы возьмем его себе?

– Да! Да! – отвечала Перибея. – Пусть он останется у нас! Я выхожу его и воспитаю как собственного сына!

Так они и поступили. В память о его распухших ножках найденышу дали имя Эдип (что значит «Пухлоногий»). Его воспитали как царского сына, и он много лет прожил в Коринфе, даже не подозревая о том, что Полиб и Перибея были его настоящими родителями.

В то время как в Коринфе царило радостное оживление, в Фивах оплакивали умершего царевича. Все ведь были уверены, что хоронят сына Иокасты! К этой беде вскоре прибавилась новая. Неподалеку от Фив располагался еще один большой город – минийский Орхомен, царем которого во времена Лаия был правнук Афаманта Климен. И вот случилось так, что этот царь приехал в Фивы, чтобы присутствовать на празднике в честь Посейдона. Несколько человек из фиванцев поссорились с ним из-за какого-то пустяка. Слово за слово дело дошло до рукоприкладства, и Климен получил смертельную рану. Престол перешел к его старшему сыну Эргину, который тотчас выступил против фиванцев, разгромил их армию и наложил на побежденных ежегодную дань в размере ста голов скота. И хотя плата была невелика, фиванцы считали ее позорной. Тогда в первый раз Фивы оказались под властью чужеземцев.

Рождение Геракла

Из нашего повествования видно, что середина царствования Лаия была такой же беспокойной, как и начало. Но при всем этом он, по крайней мере, сохранил свой престол. А вот микенскому царевичу Амфитриону повезло меньше. После того, как он нечаянно убил своего тестя Электриона, его дядя, тиринфский царь Сфенел выгнал Амфитриона из Микен. Что поделаешь! – сила была на его стороне. Амфитрион решил переехать в Фивы. Вместе с ним отправилась на чужбину его молодая жена Алкмена да небольшое число верных слуг.

Лаий принял Амфитриона приветливо и пригласил поселиться в своем дворце. Благо, он был такой большой, что там могло с удобством разместиться и вдвое больше народу. Амфитрион согласился.

– Я связан очень важным обязательством, – сообщил он вскоре царю, – мне предстоит война с телебоями. Я обещал отцу своей жены, что непременно отомщу им за смерть его сыновей, и намерен исполнить свою клятву.

– Этот народец уже много лет враждует со всеми соседями, – сказал Лаий. – Они и мне порядком досадили! Если желаешь, я выступлю на твоей стороне. Амфитрион с благодарностью принял предложенную помощь. Царь дал ему большой отряд фиванцев. Некоторые аргосские родственники также заключили союз с Амфитрионом, и он сумел собрать порядочную армию. С этими силами царевич вторгся на Тафос и повел войну против своих врагов. После упорных боев, продолжавшихся не один месяц, те были побеждены. Амфитрион передал захваченный острова союзникам, а сам с богатой добычей поспешил в Фивы. «Вот обрадуется Алкмена, когда увидит меня, – думал он. – Представляю, как она соскучилась!»

Но ничуть не бывало! Царевна встретила отсутствовавшего чуть ли не год мужа так, словно он вернулся домой после двухдневной отлучки. Когда Амфитрион начинал рассказывать ей о своих подвигах, она со смехом обрывала его на полуслове и говорила: «Знаю! Знаю! Я уже слышала от тебя эту историю третьего дня! Ты настоящий герой!» А когда он удивлялся и говорил, что не видел ее многие месяцы, она весело улыбалась, как будто он старался ее расшевелить. «Ах, оставь, милый! – сказала она наконец. – Сколько можно повторять одну и ту же шутку. Все знают, что ты вернулся из похода неделю назад. Спроси у кого хочешь!» Изумленный Амфитрион отправился к прорицателю Тиресию и тот подтвердил слова его жены.

– Так оно и есть, – промолвил он. – Я тоже слышал неделю назад о твоём возвращении.

– Похоже я один о нем не знал! – воскликнул царевич. – Одно из двух: либо у меня помутилась память, либо кто-то здорово надо мной подшутил! Не иначе кто-то из богов!

Так оно и было на самом деле! Владыка богов Зевс уже давно любил красавицу Алкмену. Воспользовавшись отсутствием Амфитриона, он принял его образ и жил некоторое время в

Фивах, выдавая себя за мужа Алкмены. Никто, даже сама Алкмена, не догадался о подмене, ведь Зевс очень ловко подражал всем манерам и голосу Амфитриона!

Несколько месяцев спустя Алкмена радостно сообщила мужу, что ждет ребенка. Амфитрион опять отправился за советом к Тиресию.

– У меня такое чувство, – признался он, – что этот ребенок мой и не мой.

– Сердце тебя не обмануло! – сказал Тиресий. – Алкмена должна родить двойню. Один из сыновей – твой, а другой – сын бога! И поверь – это будет великий герой!

Амфитрион в ответ только pokrutil головой и развел руками. Да и что он мог ответить?

В день, когда дети Алкмены должны были появиться на свет, Зевс устроил в своем дворце на Олимпе пир для всех небожителей.

– Всемогущие боги! – сказал он. – Не могу не поделиться с вами своей радостью! Сегодня в роде Персея должен родиться великий герой. Он прославит свое имя по всему миру и будет властвовать над всеми родственниками!

Коварная Гера, в глубине души страшно негодовавшая на Алкмену, сейчас же возразила:

– Мы уже и раньше слышали такие обещания, но что-то не видели как они исполнились!

Впрочем, что толку сетовать по этому поводу? Слово, сказанное на пиру, не дорого стоит!

– Не знаю на что ты намекаешь, любезная супруга, – живо отвечал Громовержец. – Но только я отвечаю за каждое слово и готов поклясться перед всеми богами, что родившийся сегодня Персеид непременно будет царем!

Так Зевс (и заметим, не в первый раз) попал в ловушку, расставленную для него ревнивой женой. Гера тотчас оставила пир и устремилась в Арголиду. Она знала, что Никиппа – жена микенского царя Сфенела (он ведь тоже принадлежал к роду Персея!) – ожидает ребенка. Правда, срок родиться ему еще не пришел, но Геру это мало беспокоило – она горела жаждой мести! Своей властью богиня ускорила у Никиппы роды, в то время как ее прислужница Илифия задержала рождение сына Алкмены. И что же получилось в результате? Вопреки чаяньям Зевса, в тот день появился на свет не его сын, а слабенький и болезненный сын Сфенела, названный Эврисфеем. А дети Алкмены родились только на следующее утро: сначала сын Зевса Геракл, а потом его братец-близнец Ификл – сын Амфитриона. Только тогда Зевс понял, как его провели! Но было уже поздно. Торжествующая Гера напомнила мужу о его обещании, и тому пришлось подтвердить данное накануне слово. Вот и вышло, что с самого рождения Эврисфею суждено было царствовать, а Гераклу – находиться у него в услужении!

Амфитрион не знал, кто из новорожденных его сын, а кто сын Зевса, и обратился за разъяснениями к прорицателю. «Не беспокойся на этот счет, – отвечал ему Тиресий. – Боги дадут тебе ясный знак, кто из них есть кто». И он как обычно оказался прав! Той же ночью в спальню Алкмены незаметно проползли две большие змеи. Они забрались в детскую колыбельку и хотели задушить близнецов, но Геракл проснулся и сдавил их своими ручками. Змеи, стараясь вырваться, изо всех сил стали бить хвостами. На шум прибежали няньки и служанки. Они зажгли свет и увидели в руках Геракла двух мертвых змей. С тех пор уже никто не сомневался, что он сын Зевса. Ведь обычному ребенку такой подвиг был просто не по силам!

Лаий и Эдип

Детство и юность Эдипа прошли в Коринфе, в семье царя Полиба. Все относились к Эдипу как к природному царевичу. Но однажды на пиру он поспорил с каким-то подвыпившим коринфянином и тот в порыве раздражения сказал ему:

– Не следует тебе величаться передо мной, Эдип! Я – родовитый человек, знаю всех своих предков. А кто ты? – безродный подкидыш, найденный в киферонских лесах!

– Не может этого быть! – возмутился царевич. Он пошел к царице и рассказал о том, что услышал.

– Поменьше слушай болтунов! – с досадой отвечала ему Перибейя. – Тогда не придется задавать глупых вопросов!

– Это не ответ, – возразил Эдип. – Можешь мне поклясться, что я твой сын?

Но Перибейя отказалась давать клятву и ушла, сославшись на какие-то срочные дела. Ее уклончивость показалась царевичу подозрительной. «Неужели это правда, и пьянчужка меня не обманул?» – ужаснулся он.

Несколько дней Эдип ходил сам не свой и не мог думать ни о чем другом. «Нет! Это невыносимо! – сказал он наконец. – Я должен знать правду! Отправлюсь в Дельфы и вопрошу оракул. Бог откроет мне глаза!» Так он и поступил. Если бы он знал, какой ответ его ожидает! Когда Эдип вошел внутрь дельфийского храма, Пифия обратилась к нему со следующими словами: «В загадке, которую ты тщетно силишься разгадать – вся твоя судьба! И эта судьба ужасна. Знай, Эдип, что ждет тебя впереди: ты убьешь своего отца и женишься на собственной матери. От этого брака родятся преступные дети, проклятые богами и ненавидимые людьми. И все сказанное обязательно исполнится в свое время, как бы ты не старался противиться року». Проговорив эти ужасные слова, Пифия замолчала и знаком велела потрясенному Эдипу удалиться вон...

По выходе из священного храма царевич с трудом собрался с мыслями. Что же ему теперь делать? Он живо представил доброго величественного Полиба, глубоко чтимого и уважаемого согражданами. Неужели он когда-нибудь убьет его? Потом он вспомнил свою мать – ласковую, заботливую Перибейю. Как она может сделаться его женой? «Немыслимо! – воскликнул Эдип. – Я должен бежать!» Он решил не возвращаться в Коринф и никогда больше не встречаться с Полибом и Перибейей. Вместо того, чтобы идти к морю, где находился его корабль, Эдип повернул в другую сторону и избрал для бегства первую попавшуюся дорогу. Как позже выяснилось, эта дорога вела в Беотию. Таким образом, вместо того, чтобы бежать прочь от своей судьбы, он быстро двинулся ей навстречу...

Случилось так, что как раз в это время с небольшим числом спутников и возничим Полифонтом в Дельфы отправился царь Лаий. В Фокиде, на узкой горной дороге фиванцы столкнулись с Эдипом. Если бы Лаий и Эдип узнали друг друга, их история имела бы совсем другой исход! Но увы, этого им было не дано. Встреча отца с сыном получилась совсем не родственной! «Прочь с дороги!» – закричал Эдипу Полифонт. Он воображал, что именно так должны обращаться к прохожим царские возничии. Где-то в другом месте его грубость вполне могла сойти ему с рук, но Эдип сам был царевичем и не любил, когда с ним так обращались. Он гневно сдвинул брови, сжал в руках копьё и молча продолжал путь. «Экий невежа!» – рассердился Полифонт и хлестнул Эдипа бичом. Лучше бы он этого не делал! Не помня себя, царевич пронзил обидчика копьем. Фиванцы не успели даже слова сказать, а Полифонт уже лежал мертвый у колес своей колесницы. Видя это, Лаий пришел в ярость. «Убийца! – завопил он. – Вот тебе! Получи!» Царь ударил Эдипа тяжелым посохом по голове, и в тот же миг, сраженный копьем, упал рядом со своим возничим. Остальные слуги, бросив убитого хозяина, разбежались кто куда...

Так свершились пророчества, данные Лаию и Эдипу. Оба они знали, что им суждено, оба пытались бороться с судьбой и оба не сумели уйти от тяготевшего над ними проклятия.

Юность Геракла

После смерти Лаия власть в Фивах перешла к брату его жены – Креонту, сыну Менекия. Геракл к этому времени уже вырос и превратился в крепкого могучего парня. Он был наголову выше всех своих сверстников, глаза его сверкали огнем, а силищу он имел такую, что легко вырывал из земли вековые деревья. Сразу чувствовалось, что отец его не простой смертный!

Горожане поначалу простодушно восхищались мощью Геракла, но потом стали жаловаться его отцу Амфитриону, что тот чуть не до смерти бьет и калечит их детей – не со зла, конечно, а просто от своей необузданности. Родители отослали Геракла пасти стада на Киферон и наказали впредь вести себя осторожнее. Тут у юноши пошли совсем другие забавы!

Рассказывали, что какой-то злой шутник по имени Термер, поубивал множество беотийцев, вызывая их на бой головами. Череп у него был крепкий, словно каменный. Однако Геракл не побоялся сразиться с ним и раскроил ему голову, словно куриное яйцо. В другой раз он отправился на гору Геликон, выследил там грозного киферонского льва, наводившего ужас на всю округу, и убил его одним ударом огромной дубины. Шкуру этого льва Геракл накинул на плечи, а голову с зияющей пастью надел как шлем.

Но все это были детские шалости по сравнению с тем, что случилось дальше. Как-то отправившись на охоту, Геракл натолкнулся на глашатаев орхоменского царя Эргина, которые явились в Фивы за очередной данью.

– Зря мы пошли этой дорогой, – громко сказал он своим товарищам, – не будет нам удачи, раз мы встретили стервятников Эргина!

– Попридержите ваши языки, дуралеи, – крикнули им минийцы, – благодарите лучше нашего господина, что он берет с вас дань скотом! Другой на его месте давно поотрубал бы вам руки заодно с ушами!

Говоря так, они думали, что имеют дело с простыми поселянами или пастухами. Но Геракл живо показал им, кто он есть на самом деле. Выхватив у одного из послов меч, он отрубил всем минийцам руки, носы и уши, повесил окровавленные конечности им на шеи и велел отнести эту дань своему царю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.